

ОГОНЁК
№ 49 ДЕКАБРЬ 1955
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

«Ромео и Джульетта» В. Шекспира в Государственном художественном театре имени Яна Райниса (Латвийская ССР). Джульетта — Вия Артман, Ромео—Эдуард Павул.
Фото И. Тункеля.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК № 49 (1486)

4 ДЕКАБРЯ 1955

33-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

5 декабря — День Конституции СССР

Закон счастья

Видна в синеве далеко нам
призывного братства звезда.
Богаты мы нашим законом —
могучим законом труда.
Завидные дали открылись
для юных и жадных сердец.
Упрямо над книгой склонились
шахтер,
тракторист
и кузнец.
Мы даже в привычках природы
нарушили долгий застой:
великие волжские воды
с донской породнили водой.
В большую семью трудовую
достаток пришел и уют.
Почувствовал радость живую
овеянный славою труд.
Богаты мы дружбою вешней,
повадкой своей молодой,
украинской свежей черешней,
бесценной уральской рудой.
Не счесть нам на трассах небесных
воздушных своих кораблей,
не вычерпать песен чудесных,
не смерить колхозных полей.
На новых просторах зеленых
грядущего всходят цветы.
К нам тянутся всех угнетенных,
трудящихся мира мечты.
На нас устремляются взоры,
на нас, чьи законы правы
от первого залпа «Авроры»
до щедрых салютов Москвы.

Сергей ВАСИЛЬЕВ

В Институте геологических наук Академии наук СССР трудятся молодые ученые из советских национальных республик. Здесь они пополняют знания, работают над своими докторскими и кандидатскими диссертациями.

На снимке: ученый секретарь института Ю. А. Розанов знакомит с экспонатами музея аспиранта института, окончившего Кишиневский государственный университет, М. И. Жеру и кандидата наук из Узбекистана И. Х. Хамрабаева.

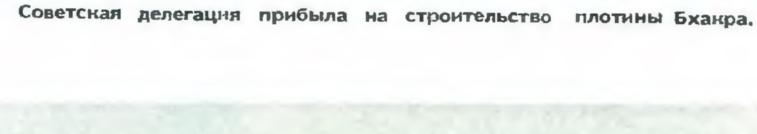
Фото М. Савина.

ПРЕБЫВАНИЕ Н. А. БУЛГАНИНА и Н. С. ХРУЩЕВА В ИНДИИ

После пребывания в столице Индии Председатель Совета Министров СССР Николай Александрович Булганин, Член Президиума Верховного Совета СССР Никита Сергеевич Хрущев и сопровождающие их лица отправились в поездку по стране. Строительство энергосистемы Бхакра — Нангал в штате Пенджаб, ферма Тарай в штате Уттар Прадеш, Бомбей, «молочная колония» вблизи этого города, древняя столица народа маратов Пуна, центр штата Майсора Бангалор, важный промышленный центр Южной Индии Коимбатор, пальмовые плантации штата Мадрас, горный курорт Утакамунд, портовый город Мадрас, Калькутта — таков далеко не полный перечень мест, которые посетили Советские руководители. Поезд, самолет, автомобиль доставляли их все в новые и новые районы Индии. И сотни тысяч, миллионы людей повсюду восторженно встречали руководителей Советского государства.

Фото специального корреспондента «Огонька» Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА.

Советская делегация прибыла на строительство плотины Бхакра.

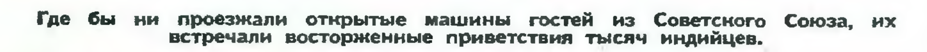
Н. А. Булганин, Н. С. Хрущев и сопровождающие их лица на строительстве плотины Бхакра осматривают транспортер, подающий материал на бетонный завод.

После осмотра государственной «молочной колонии» штата Бомбей Н. А. Булганин и Н. С. Хрущев в память о своем пребывании посадили по миндальному дереву.

Бомбей. На стадионе состоялся праздник детей, посвященный прибытию Н. А. Булганина и Н. С. Хрущева.

Текстильная фабрика в Бомбее. В детских яслях.

Где бы ни проезжали открытые машины гостей из Советского Союза, их встречали восторженные приветствия тысяч индийцев.

Бомбей. В столовой текстильной фабрики Н. А. Булганин и Н. С. Хрущев знакомятся с рационом.

Бомбей. Прием в Индо-Советском обществе культурных связей в честь Н. А. Булганина и Н. С. Хрущева.

К НОВОМУ РАСЦВЕТУ КУЛЬТУРЫ

А. ПЕЛЬШЕ,
секретарь ЦК КП Латвии

Латышская литература и искусство молоды: они не имеют многовековых традиций. Лишь в 60—70-х годах прошлого столетия появляется подлинно национальная латышская литература, немного раньше стало развиваться и профессиональное искусство. Иноземные поработители надолго задержали экономическое и культурное развитие Латвии. И все же задушить творческий дух латышского народа им не удалось.

Наперекор своей тяжелой доле народ творил, складывал и распевал песни-дайны, создавал чудесные сказы и сказки. Сокровища народного устного творчества, приумноженные каждым новым поколением и сохраненные народной памятью, дошли через века до наших дней. Они говорят о неистощимом творческом духе, о талантливости народа. В фондах Института этнографии и фольклора Академии наук Латвийской ССР ныне хранится более 992 тысяч записанных текстов народных песен-дайн, сотни тысяч загадок, поговорок, сказок и сказов, десятки тысяч народных мелодий. В этом огромном фольклорном материале, как в зеркале, отражается жизнь латышского народа, отражаются его радости и горе, его теплые чувства дружбы к великому русскому народу. К неисчерпаемой сокровищнице народного творчества и фольклора обращались и до сих пор обращаются латышские литераторы и композиторы.

Характерной чертой латышской прогрессивной литературы всегда являлась ее народность, правдивое изображение жизни простого человека. Вековая борьба против иноземных поработителей и революционные традиции латышского пролетариата, которые неоднократно отмечал В. И. Ленин, определили характер развития латышской прогрессивной литературы, ее демократическую направленность.

На развитии латышской литературы и искусства сказывалось плодотворное влияние могучей русской культуры. Основоположники латышского профессионального искусства учились в свое время у выдающихся мастеров и передовых деятелей русского искусства. Н. А. Римский-Корсаков воспитывал крупнейших латышских композиторов — Я. Витола, А. Юрьяна, Э. Дарзиня, Э. Мелнгайлиса; у А. К. Лядова учились А. Калныньи Я. Залит. Крупнейшие художники Латвии, зачинатели профессиональной латышской живописи А. Алкснис (1864—1897), А. Бауман (1866—1904), Я. Розенталь (1866—1916), Я. Вальтер (1869—1932), В. Пурвит (1872—1945) и другие проходили русскую школу изобразительного искусства. Молодой латышский театр вдохновлялся творческими достижениями непревзойденного русского театра.

В нынешнем году латышский народ с воодушевлением отметил пятнадцатилетие своей молодой Советской республики. Мудрая национальная политика Коммунистической партии Советского Союза открыла невиданные в истории латышского народа возможности экономического и культурного подъема. И эти возможности использованы с успехом.

Организуемая во время декады литературы и искусства в Москве выставка книг даст наглядное представление о размахе книгоиздательского дела в Латвии. Особенно много сделано для издания художественной литературы. В послевоенный период выпущено более тысячи названий тиражом около 16 миллионов экземпляров. Среди авторов наряду с латышскими писателями большое место занимают русские классики, русские советские писатели, представители братских советских литератур. Нашим читателям теперь знакомы в переводах книги писателей Китайской Народной Республики и других стран народной демократии, многие произведения классиков мировой литературы и современных прогрессивных писателей капиталистических стран.

Овладев методом социалистического реализма, наши писатели создали немало монументальных произведений, отображающих важнейшие этапы истории народа в прошлом и настоящем, показывающих моральный облик и богатый внутренний мир простого человека, борца за социализм, строителя коммунистического общества.

Романы патриарха латышской литературы Андрея Упита «Земля зеленая» и «Просвет в тучах» являются подлинной энциклопедией народной жизни. Романы В. Лациса «Буря», «К новому берегу», «Поселок у моря» — это эпопея становления и укрепления Советской власти в Латвии. Роман Анны Саксе «В гору» отображает трудности борьбы за победу колхозного строя в латышской деревне. Героической всенародной борьбе в грозные годы Отечественной войны посвящены книги писателей Ж. Гривы «Путь жизни», Я. Гранта «За нами Москва» и многих других авторов. Коммунистической партийностью пронизано творчество наших прозаиков и поэтов — народного поэта и публициста Я. Судрабкална, А. Григулиса, Ю. Ванага, В. Лукса, А. Броделе, Ф. Рокпелниса, Мирдзы Кемпе, В. Берце, Я. Грота и других.

Нельзя умолчать и о серьезных недостатках в творчестве литераторов Латвии. Наши писатели, показав рождение колхозного строя в латышской деревне, на этом остановились. Преодоление трудностей в дальнейшем развитии коллективного сельского хозяйства, борьба за ликвидацию его отставания не нашли еще должного освещения. Не создан полнокровный образ сегодняшнего колхозника. Весьма бледно показано индустриальное преобразование республики. Не нашли воплощения характерные образы рабочих-новаторов. Мало книг, изображающих жизнь советской интеллигенции, культурную революцию в Латвии. В произведения наших литераторов порой проникает навязчивая дидактика в ущерб художественности.

Творческий отчет латышских литераторов и товарищеская критика их работы в связи с декадой помогут преодолеть эти недостатки.

Театры Латвии играют большую роль в коммунистическом воспитании трудящихся. На их сценах было поставлено немало высокоидейных, блестящих по актерскому исполнению и художественному оформлению спектаклей. Ежегодно наши театры посещает более 2 миллионов человек, и среди них около трети сельских зрителей. Из десяти театров нашей республики на декаде в Москве покажут свои лучшие спектакли три.

Московский зритель увидит поставленные нашими театрами «На дне» Горького, «Тени» Салтыкова-Щедрина, «Ромео и Джульетту» Шекспира.

Государственный Академический театр драмы осуществил инсценировку романа Розита «Цеплис». Этот же театр покажет пьесу одного из выдающихся реалистов латышской советской литературы, Рудольфа Блаумана, «Дни портных на Силмачах», рисующую сочными красками сельскую жизнь Латвии прошлого столетия. Академический театр драмы подготовил также инсценировку исторического романа Упита «Земля зеленая», отображающего жизнь и борьбу латышского крестьянства за последнюю четверть прошлого столетия.

В истекшем сезоне поставлены этим театром «Кремлевские куранты» Н. Погодина, этот спектакль тоже увидят в Москве. В роли Владимира Ильича Ленина выступает заслуженный артист Латвийской ССР Р. Зандерсон.

Государственный художественный театр имени Яна Райниса познакомит москвичей с пьесой великого латышского поэта Я. Райниса «Вей, ветерок». Широко известная латышскому народу песня легла в основу этого, одного из лучших произведений национальной драматургии. Театр сумел создать интересный и колоритный спектакль.

Осуществлена постановка другой современной пьесы, латышского драматурга Юлия Ванага «Корабль выходит в море» — о послевоенной Латвии, о становлении характера нового, советского человека, о бдительности.

Крупное событие в музыкальной жизни рес-

Группа латвийских писателей. Слева направо: Арвид Григулис, Анна Саксе, Валдис Лукс, Андрей Балодис, Мирдза Кемпе, Янис Ниедре, Карлис Круза, Фрицис Румниек, Юлий Ванаг.

Фото И. Тункеля.

Б. И. ЛЕНИН НА IV-м СЪЕЗДЕ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ ЛАТЫШСКОГО КРАЯ В 1914 г.

НЕЗАБВЕННАЯ СТРАНИЦА ИСТОРИИ

Когда мы знакомимся с историей революционного движения латышского народа, особенное внимание привлекают годы первой русской революции. Тогда В. И. Ленин дал высокую оценку боевым выступлениям наших передовых рабочих и крестьян. А в период нового революционного подъема в 1912—1914 годах великий вождь принял самое близкое участие в борьбе латышских большевиков с оппортунистами и соглашателями.

Вот как это было. В январе 1914 года в городе Брюсселе открылся IV съезд социал-демократии Латышского края. На этом съезде присутствовал В. И. Ленин как представитель ЦК РСДРП(б). При содействии В. И. Ленина на съезде был нанесен решительный удар ликвидаторам, меньшевистскую фракцию отстранили от партийного руководства. Это и послужило переломным моментом в создании латышской партийной организации нового типа.

Задумав создать картину на историко-революционную тему, я обратился к воспоминаниям участников IV съезда и документам. После долгой работы мне удалось создать ряд эскизов. Все они посвящены одной теме: на собрании латышских социал-демократов в помещении народного дома на окраине города Брюсселя выступает В. И. Ленин. Великий вождь резко критикует латышских меньшевиков и соглашателей.

Напряженная работа над этой картиной продолжалась в течение двух с половиной лет. Закончил я ее в 1952 году.

О. СКУЛМЕ

публики — созданная композитором М. Зариным и автором либретто Ф. Рокпелнисом опера по мотивам романа В. Лациса «К новому берегу». Постановка осуществлена коллективом Государственного театра оперы и балета Латвийской ССР. Музыка оперы выразительна, мелодична, насыщена национальными интонациями. Заново переработан композитором А. Скулте для декады балет «Сакта свободы» по мотивам пьесы Яна Райниса «Играл, плясал» (автор либретто — П. Аболимов). В новой редакции возобновлен балет А. Лепиня «Лайма». Оба спектакля рассказывают о борьбе латышского народа с его вековыми поработителями — немецкими «псами-рыцарями». В репертуар оперного театра включена и классика: оперы Римского-Корсакова «Сказание о граде Китеже» и Альфреда Калныня «Банюта». Музыка «Банюты» глубоко национальна, полна романтизма. В основу этой классической оперы положены старинные сказы о далеком прошлом латышского народа.

В дни декады в Москве организуется выставка изобразительного искусства. Центральное место в экспозиции живописи последнего периода занимают картины художника старшего поколения О. Скулме «За власть Советов» и «В. И. Ленин на IV-м съезде социал-демократии Латышского края в 1914 г.». О героической борьбе латышских крестьян за освобождение повествуют полотна художников А. Панкока «Арест барона» и В. Целминя «Каугурское восстание крестьян в 1902 году».

На подъеме находится наша молодая кинематография. Рижская киностудия выпустила в этом году полнометражные художественные картины «Весенние заморозки» по мотивам новелл Р. Блаумана и вместе с Московской студией имени Горького — цветной фильм «К новому берегу» по одноименному роману В. Лациса.

О расцвете национальной культуры говорит и развитие художественной самодеятельности. В республике более трех тысяч самодеятельных художественных коллективов. Некоторые из них будут представлены на декаде в Москве.

Став хозяином своей судьбы, латышский народ в семье советских народов строит новую жизнь, трудится на благо великой социалистической Родины. Лучшие достижения своего национального искусства, своей литературы он вносит в общую сокровищницу советской социалистической культуры.

Из латышских поэтов

Моя родина

Визма **БЕЛШЕВИЦ**

Над болотцами — шишки рогóза,
Желтый ирис в осоке цветет.
Низкорослы на кочках березы,
Мох с травой вперемежку растет.

Дом в саду утопает до крыши,
Аист белый стоит на коньке.
На полосках полей, заблудившись,
Ветерок шелестит в ивняке...

...Раньше родиной я называла
Этот сердцу родной уголок.
Пробегал его поезд, бывало,
За десяток часов поперек.

Как могу я привыкнуть так скоро
Даль бескрайнюю родиной звать,
Где и ветру по гулким просторам
Месяцами пришлось бы бежать?!

И дивлюсь из окошка вагона:
Шире Латвия стала моя,
Где озимые шелком зеленым
Горизонта прикрыли края.

Рощи светлые видятся взору,
В отдаленье темнеющий бор.
Над тропинкой, взбегающей в гору,
Ясень листьев метелки простер.

Вот уж поезд промчался свободно
Мимо старых границ на восток,
Словно трактор, что в поле народном
Вековую межу пересек.

Новой родины даль перед нами
Открывается, солнца полна.
Можно ехать ночами и днями —
Так моя необъятна страна.

С каждым часом все близится город,
Где над башнями звезды Кремля,
Подаривший нам эти просторы
И раздвинувший наши поля.

В небе звуки курантов родятся,
И подскажет мне сердце слова:
— Я мечтала с тобой повидаться.
Здравствуй, Родина! Здравствуй, Москва!

Как латвийские светлые рощи,
Слóвно улицы Риги седой,
Ты мне, русская Красная площадь,
Стала близкой навек и родной!

Осенние поля

Цецилия **ДИНЕРЕ**

Убрали урожай, лишь изредка над нивой
Раздастся ветра шум да крики журавлей.
Охвачена земля усталостью счастливой
И чувствует сквозь сон, как зреют соки в ней.

Так щедро их она растеньям отдавала,
И надо ей теперь в осенней тишине
Немножко отдохнуть, как матери усталой...
Серьезно и светло лицо ее во сне.

Зимы не бойся...

Ояр **ВАЦИЕТИС**

Зимы не бойся ты: ведь с нами в ногу
Всегда идут весенние ветра.
Пусть листопад бушует по дорогам,
Пусть близится студеная пора.
Когда молчаньем снежным город скован
И только ветер воет что есть сил,—
Что нам зима? Мороза нет такого,
Чтоб половодье сердца льдом покрыл!

Перевел Вл. Невский.

ДВА ДЕПУТАТА МОСКОВСКОГО СОВЕТА

Я. МИЛЕЦКИЙ

Едва мы обогнули станцию метро, как Ефим Александрович Киселев оживился. Каждый дом на Малой Красносельской будил в нем воспоминания далекого прошлого. Точно он снова молодым пареньком шагает на свой завод...

— Детского парка, конечно, не было, поликлиники тоже, и дома эти огромные недавно построены, и школы этой не существовало,— говорил он, указывая то направо, то налево.— Видите фабрику-кухню. На этом месте стоял маленький заводик «Эгольм», так его по фамилии хозяина-иностранца называли. Рабочие «Эгольма» и завода «Вартц и Мак-Гиль», где я работал, послали меня в революционные дни девятьсот пятого года в Московский Совет рабочих депутатов.

Ефим Александрович остановился у дома, в котором разместилось пошивочное ателье; в зеркальных витринах красовались нарядные платья.

— Так переделали, что даже не узнаешь. Но меня не проведешь! Это и есть бывший трактир Абросимова, где стояли драгуны в дни восстания. Что ж, неплохо использовали трактирный зал под ателье!

Затем он быстро перешел на противоположную сторону улицы и указал на магазин «Гастроном».

— Хоть и не похоже совсем, но узнаю бакалейную лавочку Ефимова!

С ней связаны памятные дни всероссийской стачки. Бастовал не только завод «Вартц и Мак-Гиль», где работал молодой литейщик Ефим Киселев, но и все соседние предприятия. Хозяева двух бакалейных лавочек Ефимов и Жданов перестали отпускать забастовщикам продукты в долг. Плати, мол, наличными. Раз бастуешь, нет тебе кредита...

Депутат Ефим Киселев с группой рабочих пошел на переговоры с торговцами.

— Не будешь продавать в кредит, объявим бойкот и поставим патрулы! — коротко заявил он.

Дом, в котором заседал первый пленум Московского Совета в 1905 году.

Жданов согласился, а Ефимов заупрямился. Тогда у входа в его магазин появились вооруженные рабочие. Повесили плакат: «Этот магазин находится под бойкотом». Посидел хозяин весь день перед пустой кассой, видит, нет покупателей, сдался:

— Скажите вашему Совету, что и я согласен.

Патруль ушел.

...Ефим Александрович продолжает свой путь по памятной улице.

Приехал Киселев в Москву четырнадцатилетним пареньком еще в девятисотом году из захудалой калужской деревеньки. Место было глухое, темное, народ неграмотный, бедный. В волости, насчитывавшей более трех десятков деревень, числилось семь кабаков, а первую земскую школу открыли там только в девяносто третьем году.

На заводе положили пареньку двадцать копеек в день, и стал Ефим Киселев познавать жизнь со всеми ее несправедливостями. Но был он парень смышленый и горячий, жадный до знаний и уже в 1904 году создал кружок из семи таких же молодых рабочих.

С тех пор Ефим Александрович стал членом великой большевистской партии.

— Каков он теперь-то, завод мой?

И вот перед нами вывеска: «Государственный союзный арматурный завод имени тов. Маленкова». Это имя ему присвоено в память о рабочем Емельяне Михайловиче Маленкове, погибшем в 1919 году в боях с белогвардейцами.

Мы поднимаемся в заводской комитет. Киселева встречают тепло и приветливо. Завязывается разговор. Вдруг один из сидевших в завкоме рабочих спрашивает:

— А Владимирова, слесаря, помните?

— Это какого, что в литейной работал? Николай Владимирович?

— Он самый! Это отец мой. Сорок лет проработал на заводе, умер. А вот теперь и я здесь.

— Помнится, отец твой на каком-то инструменте играл?

— На гитаре. Любил он песню «Смело, товарищи, в ногу...»

— Хороший был старик. Бывал я у него. В подвале вы тогда жили. Небось, выбрались оттуда?

— Еще бы! Как все люди живем. А то, помню, пойдет дождь, и у нас в каморке воды по колено.

— Мне уж седьмой десяток кончается, а отец твой старше был.

— Старше! Я родился в пятом году: мать еще звала меня «забастовщиком»...

В это время в комнату вошел средних лет человек в халате, надетом поверх комбинезона. Большие, сильные руки были в масле.

— Лодочников! — представили его.— Наш депутат Московского Совета 1955 года. Через пятьдесят лет после первого Совета!

— Лодочников? — переспросил Ефим Александрович.— Был у нас такой литейщик. Уж не сын ли?

— Сын. Я в те годы на завод отцу обед носил.

— А сам когда поступил?

— В четырнадцатом.

— Ишь ты! Совсем молодым выглядишь.

— Это он от спорта такой моложавый,— вмешался кто-то.— Был знаменитым лыжником, участвовал в сборной команде Советского Союза. И теперь физкультуру не забывает.

Павел Александрович Лодочников, заместитель начальника литейного цеха, того самого цеха, в котором работали когда-то и его отец и Ефим Александрович Киселев — первый рабочий депутат от этого завода в первом Московском Совете.

И вот два рабочих депутата идут по заводской территории, по цехам и мастерским: старый большевик, ветеран первой русской революции, Ефим Александрович Киселев и потомственный литейщик, беспартийный Павел Лодочников.

В огромном литейном цехе стоял гул и грохот.

— Видать, полностью реконструировали! Не узнать!..

— Уже дважды проводили реконструкцию. Все здесь новое.

Киселев подошел к стенке, отделявшей небольшую комнатку, где женщина в белом халате отпускала газированную воду.

— Вот я и нашел старое: стена и каморка...

— Верно! — рассмеялся Лодочников.

Долго, внимательно смотрит Киселев на пневматическую формовочную машину. Как не похож теперь труд литейщика на то, что было прежде!

Киселев ходит по цеху и узнает укромные места, где разбрасывал нелегальные листовки и прокламации. Он клал их и в рабочие ящики и в карманы пальто, висевших на вешалке, раздавал рабочим, которых знал как верных лю-

Е. А. Киселев (слева) и П. А. Лодочников.
Фото Е. Тиханова.

дей. А вот и место, где состоялся рабочий митинг, на котором он впервые в жизни выступил с призывом к забастовке, к борьбе за свержение самодержавия.

...Прозвучал сигнал обеденного перерыва. В цехе сразу стало непривычно тихо.

А не выступит ли рабочий депутат Ефим Киселев еще раз в своем цехе через пятьдесят лет после памятных декабрьских дней?

И вот он уже взобрался на какое-то возвышение. Тесным кольцом окружили его рабочие и работницы, с интересом рассматривая того, кто боролся на баррикадах революции.

— На этом заводе,— сказал Ефим Александрович Киселев,— меня выбрали депутатом первого Московского Совета рабочих депутатов.

И он говорил о том, как жили рабочие тогда. В Москве считалось 1 200 тысяч жителей. Вот сколько расходовали они в день: 700 тысяч бедняков — по 5—10 копеек, 325 тысяч мастеровых и ремесленников — по 20—30 копеек, 5 тысяч богатых — по 2 рубля в день. Девяносто восемь процентов рабочих ютились в каморках на окраинах города, утопавших в грязи. Нередко одну койку арендовали два лица: они спали по очереди.

Московский комитет РСДРП (большевиков) выпустил прокламацию, в которой призывал:

«Пусть депутаты всех фабрик и заводов объединяются в общий Совет депутатов всей Москвы. Такой общий Совет депутатов

объединит весь московский пролетариат».

В доме на углу Поварской улицы и Мерзляковского переулка проходил первый пленум Московского Совета. На нем присутствовали 180 депутатов, избранных свыше чем от 80 тысяч московских рабочих.

В Московском Совете руководство с самого начала принадлежало большевикам. Совет имел огромное влияние на рабочих и стал органом вооруженного восстания.

Киселев рассказывает о том, как бастовали рабочие этого завода, как разоружали они городовых, сражались на баррикадах, защищали свои права. Для бесперебойного снабжения трудящихся хлебом Совет решил, кроме черного хлеба, ничего не выпекать, допустив исключения только для больниц и школ. Булочники в точности выполнили это указание. Совет обязал лавочников отпускать бастующим продукты в долг. Были открыты 16 общедоступных столовых для безработных и нуждающихся трудящихся.

Пятый пленум Московского Совета, собравшийся в помещении столовой фабрики Циндель, был последним. После разгрома декабрьского вооруженного восстания прекратил свою деятельность и Московский Совет. Но идея Советов прочно вошла в сознание трудящихся.

Ефим Александрович Киселев скрывается от преследования полиции и не возвращается больше на завод. По заданию партии он поступает на другое предприятие в другом районе Москвы...

...Эта беседа продлилась бы много дольше, если бы не пришел конец обеденному перерыву. Киселев сошел с самодельной трибуны. Рабочие обступили его:

— Что вы делали после Октябрьской революции?

— Был председателем уездного комитета партии, директором нескольких заводов, профсоюзным работником.

— А сейчас?

— Год уже на пенсии. Староват.

— А выглядите молодцом!

— Годы не те... Пора...

И два рабочих депутата, Киселев и Лодочников, выходят на заводской двор, проходят через ворота на Малую Красносельскую, неторопливо беседуя. Они по-хозяйски осматривают чистую, асфальтированную улицу, новые большие жилые дома, стройки, над которыми возвышаются башенные краны. Киселев вспоминает, как неприглядна была эта улица когда-то, а Лодочников рассказывает о благоустройстве бывших окраин: он член постоянной комиссии Моссовета по благоустройству. Они уже говорят не о прошлом, а о будущем Москвы.

Зашла беседа о детях и внуках.

— Старший сын у меня — врач, кандидат медицинских наук,— рассказывает Киселев,— дочь — инженер. Младший сын — офицер. Все — члены партии. Внучка, и та студентка. Как бы скоро не выйти в прадедушки! — смеется Киселев.

Павел Александрович Лодочников тоже доволен своими дочерьми: старшая окончила десятилетку, младшая еще учится. Он спокоен за их судьбу.

Два депутата, два литейщика проходят мимо плаката, расклеенного в эти дни на улицах Москвы:

«Рожденные народом Советы служат народу!»

29 ноября Председатель Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилов принял в Кремле Албанскую парламентскую делегацию, посетившую нашу страну по приглашению Верховного Совета СССР. На снимке: К. Е. Ворошилов приветствует членов делегации.

Фото С. Фридлянда.

По приглашению Верховного Совета СССР Советский Союз посетила Австрийская парламентская делегация во главе с председателем Федерального совета австрийского парламента А. Фришем. Делегация познакомилась с жизнью ряда городов и сельских районов нашей страны.
На снимке: австрийские гости в цехе гидрогенераторов завода «Электросила» имени С. М. Кирова в Ленинграде.

Фото Н. Баранова и В. Федосеева (ТАСС).

Щедрый год Украины

Колхозное веселье в селе Требухов, Броварского района, Киевской области.

Фото Н. Козловского.

Украинские газеты публикуют из номера в номер портреты и списки передовиков земледелия и животноводства, выполнивших свои обязательства. Рядом с давно уже прославленными мастерами тысячи новых имен представителей огромной армии творцов изобилия. Но, разумеется, десятки газет, выходящих на Украине, не в состоянии даже перечислить поименно всех, кто отличился в нынешнем богатом году. Только доярок, получивших по две тысячи и больше килограммов молока от каждой коровы, насчитывается теперь свыше двадцати тысяч.

Характерной приметой щедрой украинской осени стала кукуруза. Никогда еще не отводили столько земли — свыше шести миллионов гектаров — под эту ценную народнохозяйственную культуру. Звеньевой Вячеслав Васильевич Приступа из колхоза имени Чапаева, Торчинского района, Волынской области, на площади в 15 гектаров собрал по 106 центнеров кукурузы. По 100 центнеров с такой же площади получил звеньевой колхоза имени Сталина, Знаменского района, Кировоградской области, Федор Яковлевич Косянчук.

Колхозы и совхозы Украинской ССР досрочно выполнили государственный план хлебозаготовок вместе с кукурузой, сдав и продав государству сверх плана 153,4 миллиона пудов зерна.

Пришел к концу сельскохозяйственный год. По давней традиции в украинских селах после сбора урожая играют свадьбы, веселится молодежь, да и пожилые люди не прочь лихо пройтись по кругу.

Праздничное веселье зашумело на улицах села Требухов, Броварского района, на Киевщине. В колхозе имени Хрущева играли еще одну свадьбу. Молодые — колхозница Ольга Дедусь и слесарь механического завода Николай Велидченко — пригласили на торжество сто тридцать дворов. Можно и погулять, когда дела хороши!

В. ШУМОВ

Долорес ИБАРРУРИ. К 60-летию со дня рождения.

Фото Б. Дмитриева.

А. И. Интезаров. ПРЕСНЯ. 1905 ГОД.

ВИХРИ ВРАЖДЕБНЫЕ...

Анна САКСЕ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

Роман Анны Саксе «Искры в ночи» повествует о жизни латышской трудящейся молодежи в условиях буржуазного строя. В русском переводе первая часть романа Анны Саксе «Искры в ночи» вышла в 1953 году в Латгосиздате.

Героиня романа Агнесса Виксна — дочь бедного сельского ремесленника. С большим трудом ей удается поступить в университет. Но вскоре она убеждается в лживости буржуазной науки и буржуазной демократии. Она сближается с представителями прогрессивной молодежи — студентами Грундонисом, Эрной Берзинь и молодым рабочим Валдисом Цирулисом, которые помогают ей стать на путь борьбы.

Во второй части романа, отрывок из которого мы печатаем, Агнесса Виксна принимает уже активное участие в революционной борьбе.

В субботу утром университет взволновало необычайное событие: во время первой лекции кто-то разбросал во всех коридорах на подоконниках прокламации. Агнесса после лекции по немецкому языку тоже увидела листовки и, подойдя поближе, прочла: «Где сидят сообщники и подстрекатели убийц?» Ей захотелось взять прокламацию и прижать к груди, но она не осмелилась даже взглянуть еще раз в ту сторону: листовки всполошили ее, точно внезапно вспыхнувшее пламя. Ей казалось, что она не сумеет скрыть свои чувства и все сразу догадаются, что она причастна к появлению этих листовок. Агнесса отошла к стене, раскрыла тетрадь и сделала вид, что читает. Но она напряженно прислушивалась к тому, что делается у подоконника, где кучка студентов с любопытством рассматривала прокламации.

— Вот никогда не подумала бы, что в Латвии может такое произойти! Совсем как в американском детективном романе! — удивлялась одна студентка, читая в прокламации об убийстве советского дипломатического курьера Нетте.

— «В воскресенье, двадцать первого февраля, все на демонстрацию протеста!» — прочел кто-то вслух.

— Против чего там будут протестовать? — спросил другой.

— Пишут, что против вздорожания жизни,— поспешил ответить третий.

— Латвия ежегодно ввозит пятьдесят тысяч тонн пшеницы, а владельцы мукомолен после повышения пошлины заработают миллионы,— объяснил первый, уже успев прочесть следующие строки.

— Но кто же сочинил эти листовки? — спросил какой-то студент.

— Не знаю. Здесь написано: «Напечатано в типографии «Спартак».

— Это — дело рук коммунистов! — закричал парень с корпорантской лентой на груди.— Надо немедленно вызвать полицию. Не берите их с собой, а то вам несдобровать!

Вдруг все притихли. В коридоре появился декан в сопровождении двух неизвестных мужчин. Оба незнакомца были в пальто, и Агнесса решила, что они из следственных органов. «Вероятно, шпики»,— подумала она при виде их черных котелков. У одного котелок был сдвинут на затылок, а у другого нахлобучен на глаза.

— Положите листовки,— строго сказал декан.

Незнакомцы собрали с подоконников прокламации. Корпорант угодливо поспешил им на помощь, но его отстранили.

— Надеюсь, что никто из вас не вздумал взять листовку на память? — спросил декан с ироническим ударением на последнем слове.

— Нет.

— Нет, господин декан,— ответили наперебой несколько голосов, и декан со шпиками удалились в деканат.

Агнесса постояла еще немного, затем захлопнула тетрадь и направилась в гардеробную. Значит, Валдис успел передать текст наборщику! Значит, его напечатали и уже разбросали во многих местах! Но кто же принес прокламации в университет? Грундонис, наверное, знает, но она же не станет спрашивать его, теперь уж она этого ни за что не сделает.

В гардеробной швейцар, видимо, не в первый раз рассказывал уже одевшимся студентам:

— Меня спрашивают, почему я пропускаю всяких бродяг. Я отвечаю, что ни один бродяга тут не проходил. После звонка прошли только двое в черных шапочках, с портфелями. Пальто они не сняли. Решил, что это порядочные фуксы,— не стану же я спрашивать их, куда они идут. Обратно они не выходили. Ушли, должно быть, через другой выход. В этом семестре еще не было распоряжения спрашивать матрикулы, не могу же я знать каждого, кто сюда заходит. А с меня спрашивают, почему пускаю.

Швейцар принялся рассказывать все сначала. Агнесса не стала слушать. Услышав о матрикулах, она вспомнила, что скоро уже не сможет посещать университет. Отцу становилось все хуже, и о том, чтобы раздобыть деньги на плату за обучение, нечего было и думать.

Будет ли ей жаль расстаться с университетом? Когда-то университет был ее самой сокровенной мечтой. При мысли о том, что мечта эта может не исполниться, ей хотелось умереть. Агнесса задала себе этот вопрос и ждала ответа от собственного сердца. Но на сердце не защемило, Агнесса не почувствовала никакой жалости.

«И все же хорошо, что я поступила в университет,— думала Агнесса.— Здесь я нашла настоящих друзей и избавилась от глупых иллюзий. Без этих друзей я бы еще долго, как хромая овца, блуждала в трех соснах и блеяла о «всечеловечестве».

Дома Агнесса нашла в почтовом ящике письмо от Эрны и, не снимая пальто, тут же, в прихожей, вскрыла конверт и принялась нетерпеливо читать.

— «Милая сестренка,— писала Эрна, и от этого обращения у Агнессы сделалось тепло на душе. Сестра! И в самом деле, с первого их знакомства ее влекло к Эрне, как к сестре.— Жаль, что в воскресенье не смогу погулять вместе с тобой по рижским улицам»,— прочла Агнесса и остановилась, сразу не сообразив, о какой прогулке говорит Эрна.

— «...Но когда ты с нашими друзьями придешь на Эспланаду, то вспомни, что мысленно я с вами. Может, вы будете петь, может, песня ваша будет такой громкой, что долетит до меня, и я, может, запою вместе с вами».

Наконец Агнесса поняла: Эрна знала о готовящейся в воскресенье большой демонстрации. Можно себе представить, как она, бедняжка, рвется к товарищам.

—«...Если бы ты была писательницей, я попросила бы тебя написать сказку о девочке, которую мачеха-жизнь отдала злой, сумасшедшей ведьме, и она все время должна ухаживать за кошками. Когда по вечерам во всех углах горят зеленые и желтые кошачьи глаза, девочке становится страшно, потому что кошки подобраны на улице, среди них могут быть и укушенные бешеными собаками. Девочка должна всех их расчесывать, а чесоточных мазать разными снадобьями, перекормленным ставить клизмы».

У Агнессы от злости и отвращения задрожали руки, и она уронила письмо. Но вскоре она справилась с собой, подняла листок и продолжала читать:

— «...И все же девочка должна быть благодарна этим кошкам, вернее, одержимой кошачьей манией женщине. Девочка может надеяться, что в конце месяца она получит пятнадцать латов и отнесет их своей матери. И мысль о том, что засияют глаза матери оттого, что она сможет в течение нескольких недель покупать хлеб меньшим детям, так прекрасна, что девочка не питает ненависти ни к кошкам, ни к помешанной женщине. Она только ненавидит мир, в котором человек не имеет права на труд.

Милая Агнесса, зайди ко мне в понедельник около девяти часов утра. Моя кошачья королева уйдет на рынок за мясом, потому что по понедельникам мясо дешевле: в воскресенье люди или объедаются, или пропивают свои деньги и назавтра обходятся остатками от предыдущего дня.

Буду ждать тебя, как больной врача. Твоя Эрна».

«Я приду к тебе, Эрна! — обещала Агнесса.— И я смогу рассказать тебе о демонстрации, о прокламациях в университете, о лозунге...» Ах нет, о лозунге придется промолчать, как бы ни хотелось поведать о нем Эрне и как это ни обрадовало бы ее. А она, может быть, упрекнула бы ее за болтливость. Нет, нет, пусть это останется тайной, о которой будут знать только двое: Валдис да она,— и это соединит их тонкими, невидимыми узами.

Настало взволновавшее весь город утро. Когда Агнесса вышла на улицу, ее тоже увлек общий поток, двигавшийся от Саркандаугавы к центру города. Время от времени, сотрясая мостовую, мимо скакали конные полицейские на лоснящихся, хорошо откормленных лошадях. Полицейские патрули дежурили на перекрестках больших улиц.

«Стало быть, боятся они, а не мы?» — подумала Агнесса. «Они» — это была буржуазия с ее правительством, а «мы» — все те отважные люди, к которым ее привели Валдис и Грундонис.

Шедший навстречу человек сунул Агнессе в руку листовку. Агнесса, не останавливаясь, развернула ее и прочитала:

— «Рабочие, протестуйте против вздорожания жизни! Правительство крупных сельских хозяев вместе с черными и желтыми социал-фашистами готовит покушение на жизненный уровень рабочих путем повышения ввозной пошлины. Пошлина — это косвенный налог, который платят все неимущие. Уже теперь две трети всех государственных расходов в виде косвенных налогов оплачивают рабочие, а богачи в виде прямых налогов «жертвуют» всего семь процентов. В прошлом году «сельскохозяйственная» Латвия ввезла хлеба на много миллионов, а разве его было слишком много, если теперь Ульманис высокими пошлинами хочет ограничить ввоз хлеба?

Государственную кассу хотят спасти новыми миллионами, которые оторвут от заработной платы рабочих, и без того уже жалкой. Рабочие, не верьте желтым «вождям», которые уже прожужжали вам уши о мирном перерастании капитализма в социализм. Они сидят на многих руководящих постах в хозяйственной жизни, они сами владеют поместьями и виллами, они занимают директорские посты в банках и крупные должности в государственных учреждениях и больничных кассах, и потому, хотя они и говорят о ненасытном капитализме, их главная задача — удержать рабочих от революционной борьбы против этого ненасытного капитализма.

Боясь современного промышленного пролетариата, властители Латвии уклоняются от восстановления крупных заводов, пытаются обойтись мелкой промышленностью и сельским хозяйством и идут к неизбежному банкротству.

Рабочие! Трудовая интеллигенция! Не позволим буржуазии залезать грязными руками в наши карманы! Будем протестовать!»

У Агнессы от этих слов остановилось дыхание, точно в детстве, когда она на санках спускалась с крутой горы. И радостно и страшно. Ее радовала смелость, чувствовавшаяся в словах воззвания и людях, стремившихся в сторону центра с такими же листовками в руках. А страшно было от злобных лиц полицейских, от гула подков их лошадей.

На улице Вальдемара Агнесса увидела Астриду Бите и окликнула ее.

— Ах, Агнесса! — обрадовалась Астрида.— Ты пойдешь со мной: мне нужна помощница,— говорила она тоном, не допускающим возражения.— Нет, нет, ты и не думай возражать! — добавила она, хотя Агнесса и не собиралась сопротивляться. Наоборот, с Астридой, с этой всегда жизнерадостной, бойкой девушкой, она сразу почувствовала себя легче и уверенней.

— Мне поручили сосчитать участников демонстрации,— спешила объяснить Астрида.— Одной трудновато, а помощника не дали. Сказали, что могу мобилизовать любого из наших, не занятого другим заданием. Вот я и мобилизую тебя.

Хотя Астрида говорила быстро и, наверно, не обдумывала каждое слово, Агнессу согрело слово «наши», к которым Астрида причисляла ее без тени сомнения. Согрело и то, что у нее сегодня будет какое-то задание и она не останется сторонней наблюдательницей.

— Шествие начнется от улицы Кришьяна Барона, а мы станем где-нибудь около Эспланады. Там мы хорошо увидим демонстрантов,— изложила Астрида свой план Агнессе.

Им удалось «укрепиться» на ступенях православного кафедрального собора. Тротуары были полны народу, а вдоль них стояли полицейские в белых перчатках, с резиновыми дубинками в руках.

— Идут, идут! — громко воскликнула Астрида, увидев голову колонны.— Социки идут впереди, смотри, с белыми плакатами! — добавила она с возмущением.

Когда шествие приблизилось, Агнесса стала читать лозунги. «Долой спекуляцию!», «Ограничить частную собственность!» — такие и им подобные лозунги, написанные черным по белому, виднелись издали.

— Ты посмотри, впереди шествуют сами лидеры под охраной «саранчи» [1],— толкнула Астрида Агнессу.— А теперь начинай считать, сколько рядов пройдет мимо нас. Сначала я сосчитаю, по скольку человек в каждом ряду.

Оркестр заиграл марш. И ноги демонстрантов начали подниматься в такт музыке. Это выглядело так весело, словно люди вышли на прогулку. Агнесса увидела Эмиля Аузиня, который шел, постукивая толстой палкой по асфальту. Она заметила, что такие палки украшали многих юношей, но ей некогда было спрашивать Астриду, что это означает. За первыми рядами пошли уже другие люди — простые рабочие и работницы, и их серьезные, озабоченные лица очень отличались от самодовольно улыбающихся лиц лидеров. Много рабочих шагало за белыми плакатами и оркестрами социал-демократов. Агнесса насчитала больше тысячи рядов, а в каждом ряду шло по девять — десять человек.

Но вот на улице Елизабетес заалели красными маками знамена. Агнесса почувствовала, как ее обдало жаром, она словно вся напряглась, готовая к борьбе: это шли они, наши, Валдис. Удаляющиеся звуки оркестра перекрыла песня. Ее пели они, наши! Пели в один голос, без дирижера, но, поддерживаемая тысячами голосов, песня взмывала над домами, заливала улицы и лежащие под снегом скверы.

Первые знаменосцы уже миновали собор. Эти же знамена профсоюзов недавно склонялись над могилой Леона Паэгле. Теперь их опять вынесли на улицы, чтобы объединить рабочих в борьбе, продолжать которую они обещали своему Леону.

Агнесса прочла первый лозунг, выведенный белыми буквами на красном картоне: «Долой буржуазную политику пошлин!». Другой профсоюз нес лозунг: «Мы требуем восстановления промышленности!». Агнесса с нетерпением ждала «своего» лозунга, а люди все шли и шли, ярко пылали знамена и плакаты с разными требованиями. Но того, чего она ждала, не было видно.

Потом Агнесса увидела Валдиса. Он шел за знаменем рабочих деревообделочной промышленности, среди таких же молодых парней, как он. Они только что затянули песню «Кто сами в лохмотьях ходят». Агнесса, не отрываясь, смотрела на знакомое лицо, и ей казалось, что никогда еще Валдис не был ей так мил, как теперь. Он шагал, энергично вскинув голову, и пел «Это мы — трудовой народ». Ей хотелось, чтобы Валдис хоть взглянул в ту сторону, где в толпе на ступеньках стояли они с Астридой, хотелось, чтобы он увидел ее и глазами поздоровался с ней; Валдис прошел мимо, не посмотрев на нее. Агнесса потеряла его из виду, и сразу день показался ей более холодным, ветер более резким.

«Своего» лозунга Агнесса так и не дождалась, и ею овладели сомнения: может, он не попал куда следует, может, женщина, получившая его, не передала его или «засыпалась» вместе с лозунгом.

— Восемь тысяч! — радостно воскликнула Астрида и дернула Агнессу за руку.

— Что восемь тысяч? — спросила Агнесса, все еще думая о другом.

— Наших! — добавила Астрида. Только теперь Агнесса спохватилась, что, увидев Валдиса, забыла о своих обязанностях счетчика.

Пробившись через людскую стену, стоявшую на тротуаре, девушки пристроились к последнему ряду шествия и попали на Эспланаду. Увидев, что социал-демократы со своими белыми плакатами группируются по обоим краям площади, девушки стали посредине. Красные знамена профсоюзов развевались в центре, теперь и большинство рабочих собралось в середине площади. Социал-демократические лидеры взобрались на трибуны на двух углах площади и громко выкрикивали свои речи.

— Нашим префект не разрешил говорить,— услышала Астрида слова одного рабочего и тут же передала об этом Агнессе. Но только она это сказала, как над толпой поднялся какой-то рабочий: товарищи, видимо, подняли его на руках. «Ведь это Дядюшка!» — Агнесса вспомнила его по вечеру в Улее, когда он сидел рядом с Валдисом и назвал Эмиля Аузиня пустомелей.

— Товарищи! Рабочие и работницы! — обратился Дядюшка к демонстрантам.— У нас нет...

Дальше уже не было слышно. Полицейские с криком пробивались через толпу, расталкивая людей во все стороны: никто не хотел уступить им дорогу.

— Арестовали!

— Увели!..

— За что же?

— Вот тебе и демократия! Социал-демократические банкиры чешут вовсю с двух трибун, а рабочим не дают и рта раскрыть.

— Социки льют воду на мельницу буржуазии, поэтому...

Агнесса слушала эти разговоры, и приподнятое настроение пропало. Гнев, страшный гнев охватил ее, руки сжались в кулаки, и она была готова броситься на полицейских, которые увели Дядюшку.

Словно по уговору, тысячи людей закричали:

— Освободить! Освободить!

Агнесса тоже излила свой гнев в этом возгласе.

Вдруг около кафедрального собора раздалось пение. Агнесса не могла сразу сообразить, что это за песня, она только чувствовала резкое несоответствие между тем, что

[1] «Саранчой» латышские прогрессивные рабочие называли членов социал-демократической спортивной организации, исполнявших роль охранников при социал-демократических лидерах

происходило здесь, на площади, и мелодией, доносившейся со стороны собора.

— ...«Эй, черного кабана!..» — истошным воплем прозвучал припев, и Агнесса сообразила, что это гимн корпорантов «Оседлал я черного кабана». Совершенно инстинктивно она, как и остальные, услышав эту песню, повернулась к церкви.

— И в самом деле, черные кабаны прискакали на Эспланаду! — воскликнул кто-то.

— Товарищи, давайте прогоним кабанов этих в лес, а то как бы не загадили площадь! — воскликнул парень огромного роста и бросился вперед.

Агнесса видела, как в воздух поднялся лес полированных тростей. Да, такими тростями щеголяли и Вернер Лауберт, и Ольгерт Пурис, и другие бурши. Теперь они ими угрожали рабочим, собравшимся протестовать против вздорожания насущного хлеба.

Она видела, как палки вскоре опустились, а по тому, что отдельные, еще оставшиеся в воздухе трости двинулись к выходу, можно было понять, что корпоранты удирают от рабочих, разъяренных их наглостью.

— Смотри, смотри, полицейские отнимают наши знамена! — воскликнула Астрида и, схватив Агнессу за руку, бросилась вперед.

Они никуда не могли пробиться и издали только увидели, как одно за другим склоняются знамена, а затем поднимаются вверх голые древки. Вместо знамен рабочие подняли выше плакаты. Какая-то группа запела песню «Вихри враждебные веют над нами». Песня, как волна, росла и ширилась, ее подхватывали и пели тысячи голосов. Запретить песню была бы не в силах даже вся рижская полиция. Полицейские, озверевшие в ярости, вскоре сами притихли и убрались прочь.

Вдруг толпа снова заволновалась. Прогремело раскатистое «ура».

— Смотри! Смотри! —Шустрая и зоркая Астрида опять первая заметила причину волнения.

Агнесса повернула в ту сторону, куда смотрела Астрида. Ах, да это невозможно... нет! Это же ее лозунг! Прикрепленный к двум древкам от знамен, он теперь поднимался выше всех других плакатов, и уже издали каждый мог прочесть:

«Мы требуем хозяйственного сотрудничества с Советской Россией!»

В эту минуту Агнесса почувствовала, что такое счастье. Вот тысячи людей встречают ликующими возгласами лозунг, стало быть, они поддерживают это требование и лозунг этот объединяет их и ободряет. Какое счастье сознавать, что ты содействовала этому объединению, что ты оказалась полезной для своих товарищей!

Вокруг лозунга, видимо, возникла свалка; полицейские хотели конфисковать его, потому что он опять пропал, вместо него, так же высоко, поднялся другой плакат: «Да здравствует единство рабочих!»

— Ура-а-а-а! — новая волна восторга прокатилась по площади. Словно эхо, из одного конца долетела песня. Когда она донеслась до Агнессы, Астрида стремительно подхватила песню... «Красная Армия всех сильней!..» Агнессе было неловко, что она не могла петь: она не знала ни слов, ни мелодии, а ей так хотелось слиться с этой массой, чтобы, как Астрида, мгновенно улавливать каждое ее движение и дышать с ней в едином ритме!

Ряды социал-демократов направились к выходу.

Агнесса и Астрида подождали, пока не тронутся красные плакаты. Это произошло очень скоро. Большинство рабочих, пришедших за социал-демократическими лидерами, теперь осталось с профсоюзами и последовало за красными лозунгами по улице Бривибас. Оба тротуара и улица были так запружены народом, что трамваям, автомашинам и извозчикам пришлось остановиться, пешеходы были вынуждены прижаться к стенам или двигаться с мощным потоком: идти против течения было невозможно. Агнессе это шествие напоминало разлившуюся в весеннее половодье реку, которую не в силах остановить никакие преграды,— она выходит из берегов и, вбирая все новые потоки, в неудержимом порыве мчится к морю. Каждый человек здесь, как капля, а все вместе они непреодолимая сила, вселяющая ужас в таких, как те, которые недавно удрали, опустив свои трости.

Люди в сознании своей силы и единства пели «Интернационал» и другие революционные песни, и казалось, что настоящая демонстрация началась только теперь.

Перед Центральным бюро рижских профсоюзов, на углу улицы Карлинес, люди, несшие плакаты, остановились. Может быть, они что-нибудь сказали стоявшим поблизости, но Агнесса этого не слышала. Видимо, они дали знак разойтись, ибо из уст в уста передавалось: «Пошли домой!» Знакомые прощались, но не так легко было уйти тем, кто находился в гуще толпы. Агнесса и Астрида тоже «были окружены», как они сами шутили, и ждали, пока стоявшие вокруг них разойдутся.

Вдруг со стороны улицы Матиса в толпу врезался отряд конных полицейских. Лошади старались не наступать на людей, но всадники шпорили лошадей и давили демонстрантов, которым некуда было убежать.

Полицейские все время кричали:

— Разойдись! Разойдись!

Толпа отвечала еще более громкими возгласами:

— Убирайтесь прочь, убийцы!

Полицейские все больше зверели, хотя сами были виноваты в том, что люди не могли разойтись. Из ближайшего полицейского участка прибыло подкрепление. Начались аресты.

Агнесса где-то совсем близко увидела Берзиня, отца Эрны.

Она хотела поздороваться с ним, но в эту минуту между ними втиснулась белая лошадь с вооруженным всадником в седле. Агнесса только услышала, как Берзинь крикнул:

— Перестанете вы наконец издеваться над людьми!

Берзиня окружили трое здоровенных полицейских и потащили за собой.

«Значит, арестовали!» — заволновалась Агнесса, и мгновенно у нее в памяти промелькнула холодная, бедная комнатка в Нордеки; подавленная голодом, потерявшая все надежды эрнина мать; бабушка, которая хочет и не может умереть.

Ее озлобили эти тупые, жестокие полицейские, и она тоже закричала вместе со всеми:

— Освободите! Освободите!

Она ухватила было белую лошадь за недоуздок, но та уже нырнула в толпу.

Наконец полиции удалось разбить людей на несколько групп. Одну часть, где оказались Агнесса и Астрида, оттеснили к улице Шарлотес. С улицы Бривибас донеслась мелодия «Интернационала»,— значит, люди опять пели наперекор полиции, наперекор арестам и угрожавшей им тюрьме.

Перевел с латышского Д. Глезер.

НА ТРАССЕ ТРЕХ ОКЕАНОВ

С. МОРОЗОВ **Фото М. САВИНА.**

Специальные корреспонденты «Огонька»

II

Морские ворота Якутии

Смуглая черноглазая Лида Танфу бережно проводит рукой по выпуклой скорлупе большого кокосового ореха:

— Вот из Сингапура подарок...

— А это, глядите, из Желтого моря,— добавляет вихрастый Слава Чивирев, показывая большую, тщательно препарированную морскую звезду.

У юных географов Тиксинской школы хранятся и кости мамонта, подаренные охотниками с Новосибирских островов, и высушенные летучие рыбки, привезенные моряками с экватора.

Мы беседуем в классе у окна, из которого виден оживленный рейд большого арктического порта. Вдали чуть покачивается на зыби океанский пароход; о его плаваниях в тропиках ребята рассказывают так же подробно, как о своей недавней экскурсии на юг, к Якутску. Ближе к берегу, в глубине бухты, видна стоящая на якорях крылатая лодка ледовой разведки. Пилот и штурман, вернувшиеся из дальнего полета, будут сегодня в гостях у школьников.

Тропические сувениры за Полярным кругом весьма эффектны. Но, слушая тиксинских ребят, невольно думаешь, что наибольшую достопримечательность являют собой они сами — постоянные жители Арктики. Вместе с Лидой Танфу — дочерью китайца и якутки, родившейся на Алдане,— тут, в устье Лены, постоянно живут с родителями-портовиками юные сибиряки, украинцы, белорусы. Немало среди школьников и коренных полярников — уроженцев Тикси.

Рассказывая о питомцах заполярной средней школы, директор Зоя Семеновна Зинченко называет имена педагогов, врачей, инженеров, работающих ныне в Москве и Архангельске, студентов, которые учатся в Ленинграде и Петрозаводске. Ведь местная школа, как-никак, существует более полутора десятков лет, а самому Тикси — морскому арктическому порту — уже двадцать два года.

Срок этот, немалый сам по себе, на Крайнем Севере составляет целую эпоху. Первый караван морских судов, положивший начало развитию порта, прибыл в Тикси двадцать два года назад.

Вспоминая те далекие дни, тиксинский старожил Петр Данилович Горюнихин замечает с улыбкой:

— В представлении нашей детворы мы, пожалуй, выглядим, как Афанасий Никитин в глазах современных москвичей, не правда ли?

Нагруженные покупками, мы выходим из универмага Тикситорга. Для дочки-первоклассницы Петр Данилович несет домой редкий гостинец — виноград: не каждый день привозят его в Тикси самолеты,— а меня собирается потчевать свежей редиской, сметаной и творогом — деликатесами здешнего, заполярного происхождения.

С площади Сталина, на которой в двухэтажном доме живет Горюнихин, мы долго разглядываем склон гористого берега, спускающийся к заливу.

— Там вон, видите, чуть правее причала?

— А-а, вижу, вижу.

И все же определить то место, на котором двадцать два года назад стояли первые палатки тиксинских портовиков, удается лишь приблизительно. Так неузнаваемо изменился берег, некогда пустынный, а теперь густо застроенный складами, мастерскими. То и дело перебивая друг друга бесконечными «а помните...», мы снова переживаем незабываемые дни Первой Ленской экспедиции.

До чего же трудно было выгружать на открытом рейде привезенные из Архангельска транспорты с грузами для Якутии! Ни одного буксировщика не было в ту пору в Тикси. Захлебываясь ветром и волнами, натужно тарахтели спущенные с бортов кораблей катеры, выводя на рейд утлые барженки. Как радовались все мы, когда вслед морскому каравану в Тикси прибыли с запада речной теплоход «Первая пятилетка» и мощный лихтер, проведенные ледовыми морями из бассейна Оби в бассейн Лены! Триумфальным шествием стал рейс «Пятилетки» с караваном из Тикси в Якутск, хотя плыли мы тогда по пустынной реке целых сорок дней, а сорок ночей отстаивались из боязни сесть на мель в потемках.

— А теперь вот на этом красавце вы за неделю можете съездить в столицу республики и обратно,— говорит Горюнихин, провожая глазами отваливший от пристани белоснежный речной экспресс «Иссык-Куль».

Распивая чаи на квартире у Петра Даниловича, мы блаженствуем у теплых батарей центрального отопления и вспоминаем, как под дырявым брезентом собирались первые тиксинские жители погреться у дымного камелька, потолковать о завтрашнем дне молодого, только зарождавшегося порта.

Где строить причалы, чтобы выгружать суда прямо на берег? Откуда взять уголь для снабжения флота, для отопления будущего поселка? Какие нужны дома, чтобы обеспечить портовиков хорошим жильем в этом краю пурги и полярной ночи? Жизнь настойчиво требовала создания своих, местных кадров грузчиков: ведь, шутка ли, рабочих завозили тогда на время навигации из Якутска, за полторы с лишним тысячи километров!

Теперь, когда Тикси — крупный поселок с постоянным, устойчивым населением, грузчик далеко не «центральная фигура» на портовых причалах.

В день прихода нашего каравана, едва ледокольный пароход «Леваневский» и транспорт «Волга» ошвартовались у пирса, над палубами их нависли стрелы гусеничных и автомобильных кранов. Они легко поднимали многотонные тракторы, грузовики, строительные машины. В раскрытые бункера «Леваневского» начал сыпаться уголь, перегружаемый транспортерами из самоходных барж и лихтеров.

Похожие, как две капли воды, самоходные баржи «Сталинград» и «Севастополь», точь-в-точь такие же, какие плавают сейчас и по Волге, прибыли из Тикси по Лене от Сангарского угольного рудника — маленького Донбасса Якутии.

Баржи с углем плывут в Тиксин-

См. «Огонек» № 46.

ский порт и от противоположного берега бухты, где работает местный рудник Сого. Портовики торопятся: летом и осенью, пока бухта свободна ото льда, надо создать запасы топлива и для флота, и для электростанции, и для жилых домов. А зимой, когда над замерзшим заливом и заснеженными сопками опустится полярная ночь, глубоко в недрах застрекочут электросверла горняков.

В середине июля приходят сюда первые речные караваны с Лены, в начале октября уходят на запад последние морские суда. Эти два с половиной — три месяца — страдная пора для тиксинцев. И летом, белыми ночами, и осенью, когда над причалами с наступлением темноты вспыхивают электрические лампы и прожекторы, ни на минуту не прекращаются здесь грузовые работы. Сотни тысяч тонн принимает и отправляет Тиксинский порт за время своей короткой навигации.

Зимой моряки усердно трудятся, ремонтируя флот, механизмы, причалы, строители сооружают новые дома, склады. Круглый год кипучей жизнью живет Тикси — один из крупнейших портов Советской Арктики.

Пожалуй, ни в одном пункте Советской Арктики не сказывается столь наглядно экономическое значение Северного морского пути, как в порту Тикси, расположенном вблизи устья Лены.

Неоглядная по ширине, многоводная в изловьях, Лена в верхнем своем течении характерна малыми глубинами. С незапамятных времен, вплоть до тридцатых годов нашего века, основным транспортом здесь служил самосплав. Груженные товарами неуклюжие деревянные карбазы месяцами плыли вниз по Лене к Якутску, частенько садясь на мели, обсыхая. На постройку карбазов хищнически вырубались леса, и река в верховьях все более мелела. Мелководье мешало развитию парового судоходства. Слабая транспортная связь с внешним миром тормозила экономическое развитие автономной республики, колоссальной по территории, изобильной природными богатствами.

Ныне все это вспоминается как дела прошлого. Новая железная дорога Тайшет — Лена соединила средний судоходный участок реки с Транссибирской магистралью. А в Северную Якутию проложена по ледовым морям постоянная, нормально действующая «колея», смыкающаяся с великой рекой в арктическом порту Тикси.

Радостны перемены, происшедшие в суровом, некогда пустынном крае. И особенно волнуют встречи со старыми знакомыми — пионерами заселения и освоения края.

Когда мы только отдавали якоря, на внешнем рейде Тикси с лоцманского катера, подошедшего к борту «Леваневского», поднялся на палубу седой, чуть сутуловатый моряк с очень знакомым лицом. Я присматривался, все не решаясь поздороваться, пока кто-то из нашей команды не обратился к нему почтительно, по имени-отчеству:

— Привет, Василий Константинович!

Да, конечно, это он, Василий Константинович Жуков, тот самый капитан, который в сентябре 1933 года перегонял речные суда из Лены в Колыму вместе с ветераном Севера, покойным ныне П. Г. Миловзоровым. Когда корабли Первой Ленской экспедиции сквозь шторм пробивались к Тикси с запада, радисты часто ловили в эфире сигналы SOS. Это на востоке, в сотнях миль от нас терпел бедствие караван Миловзорова и Жукова.

Как ни жесток был тот шторм, суда из бассейна Лены все же прибыли на Колыму. Два последующих десятилетия Василий Константинович трудился над организацией судоходства в море Лаптевых. Теперь, на склоне лет, он капитан-наставник в Тиксинском арктическом порту. И, конечно, уж никто, как он, не осведомлен о развитии этого важнейшего транспортного узла Советской Арктики.

Последуем же за капитаном Жуковым по обширной портовой акватории Тикси.

На внутреннем рейде — в глубине залива Булункан — стоят плоты. Толстенные — не обхватишь — стволы скреплены между собой стальными тросами, чугуными скобами. Плоты эти проплыли по Лене около трех тысяч километров из районов Олекмы, Витима, Пеледуя. Загорелые, обветренные сплавщики в высоких болотных сапогах легко, будто танцуя, ходят по бревнам, готовя плоты к расчалке.

Не раз на пути в Тикси штормовали сплавщики в неоглядных плесах Средней и Нижней Лены, сидели на мелях, осторожно лавировали в извилистой Быковской протоке дельты. Теперь, когда долгий речной переход завершен, лес готовят к морским перевозкам на Яну и Оленек, Индигирку и Хатангу, Алазею и Колыму, на Чукотку, на острова моря Лаптевых — повсюду, где идет стройка новых портов, полярных станций, поселков.

Бревна из ленских плотов грузятся у причала во вместительные трюмы лихтеров. На внешнем рейде стрелы судовых лебедок поднимают их прямо из воды в трюмы океанских пароходов. Два таких судна, «Суворов» и «Декабрист», пришли в Тикси с востока вскоре после нашего каравана. Доставив грузы из Владивостока на Чукотку, они порожнем дошли до Тикси, а теперь собираются в обратные рейсы с ленским лесом для чукотских строек.

Так изменилось за минувшее двадцатилетие направление грузопотоков на севере Якутии. Если раньше Тикси был только портом ввоза промышленных и продовольственных грузов, то теперь он стал также поставщиком массового встречного груза — леса.

— Все это хорошо, конечно,— говорит Жуков, придирчиво оглядывая рейд,— однако куда дешевле возить лес в плотах и по морю.

— Помилуйте! — удивляюсь я.— Тут все-таки не Балтика и не Каспий.

— Верно, что не Балтика, совсем даже не Каспий,— соглашается, смеясь, Василий Константинович,— но вы отстали от жизни. Двадцать лет назад перегон речных судов по ледовым морям был событием, а теперь не только на Лене и Колыме, но и на Хатанге, Анабаре, Оленеке, Яне, Алазее плавают суда, приведенные морским путем. Гляньте-ка!..

Протянув мне бинокль, капитан-наставник указывает вдаль. Там можно разглядеть входящий в бухту Тикси длинный караван речных колесных пароходов. Корпуса их наглухо закрыты досками. Надежно скрепленные стальными тросами, речные колесные пароходы с запада, от самого Диксона, идут на буксире у морского буксировщика «Чадор».

— Кто же командует этим «Чадором»?

— Мягков,— отвечает капитан Жуков.— Совсем еще юнец, ему и тридцати не будет. Мне, старику, в свое время, чтобы решиться на морскую проводку речных колесников, надо было отплавать четверть века по океанам, а этот паренек вчера только из мореходки выскочил.

К последним словам Василия Константиновича требуется некоторое уточнение. Его «вчера» означает несколько лет назад, а учебное заведение, в просторечии именуемое «мореходкой», официально принято называть: Высшее арктическое морское училище имени адмирала Макарова. И на «Чадоре» и на десятках других судов, приписанных ныне к порту Тикси, плавают выпускники ВАМУ — капитаны и штурманы с дипломами инженеров-судоводителей.

— Вернемся, однако, к плотам,— продолжает капитан Жуков,— были в моей практике случаи, когда лес в плотах буксировался с Колымы на Чукотку. Значит, и отсюда, из Тикси, на заполярные стройки можно водить по морю плоты. Дайте срок, поведут их наши молодые полярные капитаны!

Простой перечень судов, посетивших Тикси в нынешнюю навигацию, показывает очевидные успехи в транспортном освоении Северного морского пути. Трижды за лето и осень побывал в устье Лены ледокольный дизельэлектроход «Енисей», совершающий сквозные рейсы с грузами между Белым морем и Тихим океаном. Попутно «Енисей» успел сходить из Тикси к одному далекому северному острову, доставив туда оборудование и зимовщиков новой полярной станции. Два раза приходил в Тикси с пассажирами из Архангельска комфортабельный теплоход «Кооперация», прежде курсировавший на линии Ленинград — Лондон. Общий же счет кораблей, прошедших здесь с запада на восток и с востока на запад, определяется многими десятками.

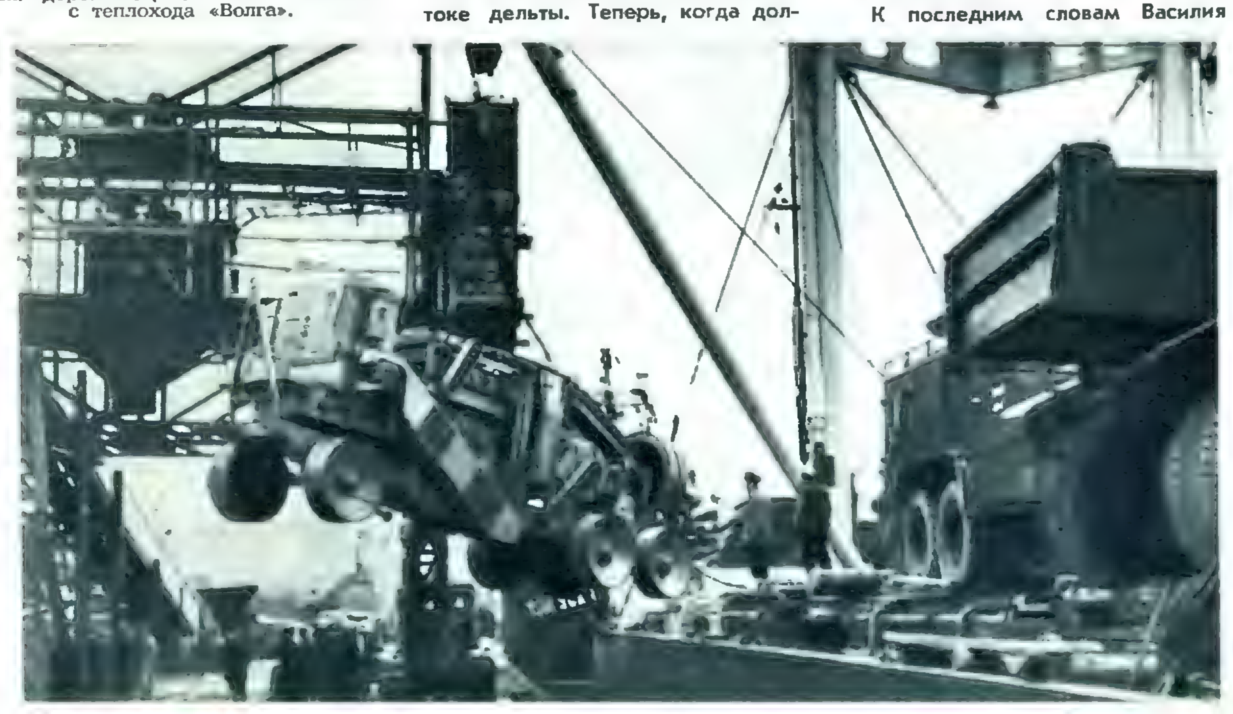
Велик опыт, приобретенный нашими капитанами и штурманами в полярном судовождении. Немало поработали советские проектировщики и кораблестроители, создавая флот, способный уверенно плавать по ледовым морям. Большую помощь полярному мореплаванию оказывает служба воздушной разведки льдов.

В Тикси так же, как и на Диксоне, находится обсерватория Арктического института, чьи сотрудники участвуют в планировании и руководстве работой флота вместе с диспетчерами и портовиками. От 23 полярных станций, расположенных на побережье моря Лаптевых и островах, Тиксинская обсерватория по нескольку раз в сутки получает сводки погоды и состояния льда. Со множеством судов, находящихся в плавании, со всеми самолетами, ведущими разведку льдов, непрестанно поддерживает связь Тиксинский радиоцентр.

— Теперь и Центральная Арктика не кажется нам далекой,— сказал директор Тиксинской обсерватории, океанолог В. П. Мелешко, просматривая радиограммы, принятые с дрейфующих станций «Северный полюс-4» и «Северный полюс-5».— Завтра будут у нас в гостях и Гордиенко и Волков.

Так и случилось. На другой день на совещании моряков, авиаторов и научных работников мы встретились с руководителями обеих дрейфующих станций: чтобы участвовать в научно-оперативном обслуживании арктической навигации, на самолетах из высоких широт прибыли Павел Афанасьевич Гордиенко и Николай Александрович Волков.

Арктический порт Тикси. Выгрузка дорожностроительной машины с теплохода «Волга».

ДРУЖИННИКИ

З. ХИРЕН

1

Теперь это все люди почтенного возраста, и вот в шутку стали они подсчитывать, сколько всем им вместе лет. Подвели итог: двадцать их собралось, участников Московского восстания 1905 года, а всем вместе уже без малого полторы тысячи лет. Некоторым из них и восемнадцати не было, когда с оружием в руках вышли на баррикады Москвы, но уже и тогда все они знали, что надо наступать, а не защищаться. Кто-то был сбит лошадью, кому-то прострелили грудь, кого-то ударили шашкой, а битва московского пролетариата продолжалась. Россия стала страной революционной практики, и Владимир Ильич назвал те дни великими московскими днями. И вот спустя пятьдесят лет сошлись герои декабря, покачали седыми головами, взгрустнули. Взгрустнули, да ненадолго. Не такой народ. К тому же «стариками» стали они давно, еще с 1917 года. Хотя и тогда, в Октябрьскую революцию, все еще были они молоды, но иначе, как старыми большевиками, их уже не называли. А разобраться, старость разве годами определяется! В таком случае зачем всю эту математику с полутора тысячами лет затевали?.. Хотите знать: из молодого озорства, только из озорства. Гвардия не сдается и не стареет, а гвардия революции и подавно.

Встряхнул головой бывший начальник боевой дружины деревообделочной фабрики Шмидта Михаил Степанович Николаев. Кольцами по лбу рассыпались мягкие кудри, откинул их широким, почти юношеским жестом, пощипал большим и указательным пальцами бородку, потрогал очки возле переносицы, пожевал кончик уса, буркнул себе под нос что-то вроде того, что «без дела человек быстро ржавеет», и запел сперва «По диким степям Забайкалья», а там видит, народ его дружно поддерживает, ну и давай: «Мы кузнецы», «Варшавянку». Глядишь, и «полутора тысяч лет» как не бывало.

...Внучка Михаила Степановича допытывается у бабушки:

— Скажи, каким дедушка в молодости был: черным или русым?

С фотографии на девочку глядит юноша в длинной косоворотке с белыми перламутровыми пуговичками, в высоких яловых сапогах.

— Он уже белый давным-давно, — отвечает довольно равнодушно старушка.

— Как это давным-давно? — сердится внучка.— Смотри, какой он у нас молодой.

— Да, был он кудрявый,— сжалилась немного погодя бабушка, взяв из рук внучки карточку.— Был темнорусый, золотистый.

Как выглядел пятьдесят лет тому назад Николаев, почему-то легко себе представляешь, даже и не глядя на эту фотографию. Скорее всего по той причине, что он и поныне сохранил жар своей революционной молодости. Какой-то он особенный — живой, веселый, и где бы ни появился, вносит бодрость. Глядишь на этого высокого, стройного, широкоплечего человека — и меньше всего думаешь о том, что ему уже семьдесят семь лет, что нет-нет, а сердце пошаливает. Первым делом на ум приходит мысль, что друзьям его с таким начальником на баррикадах было неплохо, а враги наверняка боялись его, да с оружием, наверное, и он и его дружинники не худо обращались.

Смотришь на Николаева — и представляешь себе, как он остановился возле кучки приунывших после артиллерийского обстрела дружинников, сказал доброе слово людям, посмеялся, и народ воспрянул духом... Вот он у костра, присел, тряхнул головой и произнес точь-в-точь как сейчас: «Споем, что ли?»

Пятьдесят лет прошло... А заметьте, появится Николаев среди бывших дружинников, кем бы за эти годы ни стали они: министрами ли, учеными,— а для них он и поныне начальник боевой дружины. Не отдает он, правда, сейчас никаких приказов, разве только летом, где-нибудь в Подмосковье, в гостях у пионеров, возле костра, вытянет перед собой руку и скомандует: «Начнем!» И ребята, очарованные своим дирижером, не спуская с него глаз, дружно и вдохновенно поют.

К 1905 году Михаил Степанович был чуть постарше остальных дружинников, но дело не в возрасте и даже не в том, что горя он к тому моменту хлебнул больше других: успел и в одиночке северной башни Бутырской тюрьмы насидеться, и под надзор полиции попасть, и по Руси в поисках работы побродить. Все это было тогда для таких людей, как Николаев, в порядке вещей. Каждый знал, на что идет. Были это отчаянные смельчаки, люди невиданной отваги. Но главное заключалось в их выборе: они пошли с большевистской партией.

...Мы начали с Николаева, а, вообще-то говоря, следовало бы сперва рассказать о том, как незадолго до пятидесятилетия Московского восстания группа участников первой русской революции побывала в гостях у нас в редакции. В прошлом большей частью рабочие: слесари, токари, литейщики, столяры, наборщики, железнодорожники,— они и ныне сохранили черты, по которым сразу узнаешь потомственного пролетария, мастерового, труженика.

Как бы в подтверждение того, что никто из них не намерен записываться в старики, друг друга называли: «Танюша!», «Проша!», «Костя!».

2

— Полечка, ты здесь? — радостно кричит с виду суховатый, а в действительности на редкость веселый и остроумный Александр Дмитриевич Блохин. И мы уже знаем, что обращается он не к внучке своей и не к правнучке, а к Пелагее Степановне Степановой, 74-летней дружиннице.

Сам Блохин охотнее откликается на свою старую партийную кличку — «Федя Замоскворецкий»,— чем когда обращаются к нему по имени и отчеству. В партии он уже пятьдесят два года, но вы не поверите, если сказать, что шесть лет из них он провел на церковном дворе сторожем. Да, да, был сторожем в церкви и одновременно состоял в партии. И не просто состоял, а выполнял довольно серьезные поручения. В церковной сторожке устраивались явки, там же был склад нелегальной литературы, там же печатались листовки, и там же хранили оружие. Словом, церквушка эта использовалась довольно толково, а попал Блохин в церковные сторожа при тяжелых обстоятельствах.

Городовые окружили одну из революционных массовок. Среди участников массовки было несколько членов партии, находившихся в то время на нелегальном положении. И вот, чтобы дать им возможность скрыться, Блохин бросил в городовых бомбу; убиты были помощник пристава и несколько городовых. Началась паника, и это позволило участникам массовки уйти. Расследования полиции ни к чему не привели. Виновников взрыва не обнаружили, но все же, чтобы окончательно скрыть следы, решено было Блохина определить в церковные сторожа. И он пробыл там до 1915 года, пока его не призвали в солдаты. Но и в армии Блохин сразу же связался с партийными организациями. Начало Октябрьской революции «Федя Замоскворецкий» вновь, как в декабре 1905 года, встречал на улицах Москвы: участвовал в боях у Никитских ворот, на Арбате, у Тверского бульвара.

С Александром Дмитриевичем повстречались мы еще до беседы в редакции в Доме авиации, которым он заведует. Быстрой, деловой походкой водил он нас по залам, успевая попутно рассказать о тысяче интереснейших вещей. Достав из ящика письменного стола два маленьких чертежика, не то всерьез, не то в шутку Блохин заметил:

— Самые ценные экспонаты.

На одном изображено было нечто вроде стакана, на другом — трехгранная пилка. Осенью 1905 года, объяснил он, незадолго до Московского восстания, к его станку на заводе Густава Листа, ныне «Красный факел», подошел знакомый слесарь-большевик и, передав ему несколько таких вот металлических стаканов, попросил сделать на них резьбу. Блохин понял: задание партийное и лишних вопросов задавать не следует. Затем подобные заказы стали поступать все чаще и чаще. Когда же боевые дружины в декабре вышли на баррикады, многие из них были вооружены этими «железками», к тому времени уже начиненными взрывчаткой. Сказал он и о трехгранной пилке; из подобных изготовляли кинжалы, тоже для дружинников.

...На вкладке, публикуемой в этом номере журнала, вы видите и Блохина, и «Полюшку», и всех остальных дружинников, посетивших редакцию «Огонька». Рядом с «Полюшкой» сидит еще одна седая женщина — «Танюша». Так называют ее соратники. Это Татьяна Ивановна Старикова. Кто читал статью Владимира Ильича «Уроки Московского восстания», навсегда запомнил двух прес-

Москва в декабрьские дни 1905 года

Декабрь 1905 года. Кудринская улица.

Баррикада на Моховой улице.

ненских девушек-работниц, несших красное знамя в 10 000-й толпе и бросившихся навстречу казакам с криками: «Убейте нас! Живыми мы знамя не отдадим!» И Пелагею Степановну Степанову и Татьяну Ивановну Старикову можно смело сравнить с теми двумя героинями, хотя их деятельность внешне была куда прозаичней.

Пелагея Степановна работала, если можно так выразиться, в глубоком тылу противника. Она устроилась в Народный дом, кишевший, как известно, в те годы черносотенцами, и там выполняла ответственнейшие поручения партии. Работала она затем кассиршей в молочной Чичкина на Полянке. Конечно, никто не мог подумать, что молоденькая девушка, выбивавшая чеки на молоко и масло, одновременно назначает явки, сообщает, где получить оружие, предупреждает об опасности.

— Как строили баррикады? — улыбается она и, поправляя белый кружевной воротничок, сама отвечает: — За мной утром пришли партийные товарищи, и мы направились на Новослободскую. Стали подбирать материал для баррикад: ворота, двери, ящики. Я предложила прибавить ко всему этому вывеску нашего Народного дома, на которой крупными буквами написано было имя князя Сергея Александровича. Это было моментально выполнено, и мы долго смеялись, стараясь вообразить себе князя, если б он вдруг увидел на баррикадах вывеску со своим именем.

Несколько слов о Татьяне Ивановне Стариковой. Сперва она служила в няньках, затем умные люди научили: за полтинник в полицейском участке приписать в паспорте несколько лет, чтобы стать «совершеннолетней», и тогда на фабрике будут больше платить. Она работала на парфюмерной фабрике и с первых же дней попала в среду революционных рабочих, вместе с ними готовилась к вооруженному восстанию, вместе с ними активно в нем участвовала.

После Московского восстания Татьяна Ивановна попала в «черную книгу», нигде на работу ее не принимали. К тому времени она заболела туберкулезом. Однажды ей сказали, что на фабрике, где она прежде работала, нанимают людей. Решила попытать счастья, но, когда туда пришла, оказалось, что нанимают взамен бастующих, и она тут же выступила с призывом к безработным не занимать мест бастующих. Вновь попала в тюрьму, вновь избиения, допросы. Она была больна и просила отправить ее в тюремную больницу, но ей отказали. Когда спустя некоторое время она вышла из тюрьмы, опять начались мытарства: больная, без крова, без работы. В августе у Татьяны Ивановны родился ребенок, и в это же время полиция вновь стала разыскивать и ее и мужа. Надо было срочно бежать. С огромным трудом перебрались в Питер, но и там их не оставили в покое. Так, с грудным ребенком на руках скиталась она, пока... не арестовали и ее и мужа. Потом октябрь 1917 года, гражданская война, мирное строительство, партийная работа.

3

Рядом, за небольшим круглым столиком, мы видим чету Соколовых: Елену Демьяновну и Василия Николаевича. Василий Николаевич самый старший здесь по возрасту. В прошлом году друзья отпраздновали его восьмидесятилетие. Он и в партию вступил раньше остальных: в 1898 году. Даже Николаев, и тот, когда речь заходит о старых коммунистах, указывает на Василия Николаевича.

Маленький, сосредоточенный, с белыми, как молоко, тарас-бульбовскими усами. Умные, ясные глаза, голос тихий, но решительный. В руках небольшой посох. Если сравнить Соколова с Николаевым, разница сразу бросится в глаза. Разница, конечно, во внешности, но повнимательнее приглядишься, поймешь: не только во внешности, но и в характере, в манере говорить, абсолютно во всем. Если Николаев отличается общительностью, то Соколов, напротив, не очень разговорчив, любит больше слушать.

Все это понять нетрудно. Василий Николаевич был агентом ЦК большевиков по организации в России нелегального транспорта литературы, подпольных типографий и оружия. Работа оставила глубокие следы в характере этого человека. Для таких, как он, многие обычные понятия имели свой особый смысл. Конспирация была для них профессией, опасности — обыденной жизнью.

Вот один маленький штришок. Незадолго до декабрьского восстания понадобилось из одной квартиры в другую срочно перенести ящик с типографским шрифтом. В последнюю минуту оказалось, что ящик худой и шрифт из него вываливается. Значит, нанимать извозчика ни в коем случае нельзя было. Но и ждать тоже некогда. И Василий Николаевич, разыскав старые брюки, завязал крепко концы и в каждую половину всыпал по нескольку фунтов шрифта. Затем два этих «саквояжа» повесил на себя, причем так, чтоб они плотно прилегали к телу, и надел пальто. Несколько фунтов шрифта вошло в карманы. Со всем этим грузом пустился в путь. Была осенняя, дождливая ночь. Ноги едва удавалось передвигать, каждые сорок — пятьдесят шагов садился отдыхать. И все-таки шрифт был спасен.

Другой случай: корзина с нелегальной литературой во время переправы через границу попала в реку, и все содержимое корзины насквозь промокло, особенно пострадали номера «Искры», напечатанные на папиросной бумаге. И вот, приехав домой, Василий Николаевич отделяет один листок от другого и сушит, развешивает на спинках стульев, расстилает на полу, протянув посреди комнаты веревку, сушит промокшую бумагу, как белье. При этом следует учесть, что в любую минуту могут ворваться с обыском—за окнами бродят шпики,— и все-таки драгоценный груз высушен и отправлен в партийные организации.

Вместе с Василием Николаевичем более пятидесяти лет трудится его супруга Елена Демьяновна Соколова-Струнина. В партии она с 1903 года. На протяжении многих лет они занимались одним и тем же партийным делом. Не раз попадали в тюрьму. Бывало и так, что три года сидели в одной тюрьме, но хотя и жили под одной крышей, ни одного свидания не имели.

Глядя сейчас на эту маленькую женщину, конечно, не подумаешь, что через ее руки прошло огромное количество нелегальной литературы, шрифтов для подпольной типографии, оружия.

...Побывали мы у Соколовых дома. На пороге встретила нас Елена Демьяновна. Василий Николаевич в это время сидел в своем маленьком, заставленном книжными стеллажами кабинете. Более двадцати лет тому назад он написал книгу «Партбилет № 0046340». Книгу издали тогда небольшим тиражом, надо бы ее переиздать: книга этого заслуживает,— а не переиздают. Однако Василий Николаевич не из тех людей, которые предаются унынию. Он редактирует свои записки, уверенный в том, что в конце-то концов они вновь увидят свет. «Елена одна,— прочитали мы в них.— Одна и в деле, которое требует напряжения и борьбы, и у себя дома, в нашей семейной квартире, через неделю после того, как мы в ней поселились. Когда люди пытаются свою маленькую человеческую любовь совместить с революцией, это всегда удваивает и риск в работе и боль при авариях жизни. И если они, по той же человеческой слабости, забывают об этом, тем хуже для них».

Несколько строк, и вновь возник путь, пройденный двумя простыми людьми, понятнее стало, как крепко любили и как любят они жизнь.

4

Каждый рассказывал о себе, а перед нами возникла картина тех дней. Мы мысленно представили себе их на баррикадах 1905 года. Кончилась первая русская революция — борьба все равно продолжалась. Затем Великий Октябрь, за ним — фронты гражданской войны. И всюду наши дружинники!

Командовали батальонами, полками, дивизиями, и там их тоже называли «стариками» — старыми большевиками, старыми, бывалыми солдатами. А разобраться — мало кто из них достиг тогда сорока лет. И армию строили они самую юную в мире... Потом пошли годы созидания, годы мирного строительства. Может быть, к этому времени кое у кого на висках блеснули первые серебринки, но стоило открыть двери

аудиторий и классов тогдашних институтов и университетов, чтобы убедиться: серебринки эти ничего общего не имеют с тем, что мы называем старостью. Как школяры, стояли они у доски с мелком в руках, на переменах не умолкал гул веселых голосов... А вскоре страна получила первых красных директоров, красных профессоров, специалистов.

На фронтах Отечественной войны сражались их сыновья, внуки, но зимой 1941 года, когда положение на фронте было особенно тяжелым и когда из Москвы хлынуло в бой народное ополчение, иные старики раскопали и рюкзаки, может быть, времен Волочаевки и Кронштадта, и старые шинелишки, и папахи, терпеливо стояли возле дверей райвоенкоматов и ждали с трепетом, пока безусый лейтенант, «точь-в-точь мой сын» или «точь-в-точь мой внук», окинув критическим взглядом, скажет свое «да». Что скрывать, чаще всего говорили им «нет». И тут старые, заслуженные бойцы шли на всякие хитрости, «скидывали» десяток лет, просились в рядовые... Поначалу называли их «папашами», «дедушками», на сей раз уже справедливо. Потом проходило время, раскрывались таланты этих «папаш» и «дедушек», и однополчане не без гордости говорили о них:

— А у нас в роте, не поверите, революционер с пятого года.

Офицеры не без восхищения жаловались друг другу на стариков:

— Старость-то старость, а без вожжей не удержишь. Посылаешь его в обоз, а он до самого генерала дотопает, а своего добьется, пошли его в разведку...

Но вот и вторая мировая война окончилась, и, казалось, пора бы уже угомониться, пора на покой. Натрудились, навоевались, теперь бы только с внуками да правнуками развлекаться. А в свободное время мемуары, что ли, писать. Но куда там! Звонишь иному дружиннику домой по телефону, а тебе в ответ: «В рабочее-то время?!» Да, все еще кое-кто продолжает работать. Станешь им говорить про здоровье — гляди, тебя самого в старики запишут!

— Все мы любим жизнь,— начал свой рассказ бывший начальник боевой дружины Таганского подрайона Михаил Алексеевич Гвоздев,— но все же нельзя закрывать глаза и на то, что ряды наши редеют. И наступит, наверное, время, когда историки будут писать историю только по архивным материалам. Не будем настраиваться на грустный лад. Приятно нам было встретиться сегодня. Вот Новиковы Константин Михайлович и Василий Петрович. Мы их помним молодыми парнями, у них была орлиная жизнь, они и поныне остались орлами. Вот Афоничев Прокофий Аполлонович. Встречались мы с ним на баррикадах пятого года, знаем его и по годам гражданской войны. Линков Ефрем Федорович, Смирнов Семен Потапович, Селиванов Александр Арсентьевич и многие, многие другие. Я, бывший рабочий Рогожского района, работал в то время на фабрике Фишера, немецкая фирма, а попал в этот район подростком, тринадцати лет. Мне было восемнадцать, когда я вступил в партию.

Часто ходили мы в Крутицкие казармы. Являлись туда под видом земляков солдат, цель у нас была одна — снабжать армию подпольной литературой. Прокламации подкладывали в гармошку, оставляли незаметно на тумбочках, иногда приезжали со своей закуской, завернутой в нелегальную газету, чтобы потом оставить эту газету солдатам. Проводили идеологическую обработку войск, а сами усердно обучались военному делу.

После 1905 года, по призыву Владимира Ильича, стали еще упорнее обучаться военному делу. И эта наука пригодилась нам в октябре 1917 года.

Дружинник Прокофий Аполлонович Афоничев, бойкий краснощекий старик с острыми, как пики, седыми усами, про эту науку сказал так:

— В 1905 году я был еще молод. Только что вышел из ученичества по литейному делу. Литейная была у нас большая. Она и сейчас существует. Народ подобрался хороший. На баррикады вышли неплохими стрелками, но все же мы сделали большую ошибку: стянули все силы в одно место, а надо было противника бить с разных концов. Эту ошибку я поправил в 1917 году, организовав у себя в районе Красную гвардию и взяв командование над ней. Позднее ушел на гражданскую войну.

Александр Дмитриевич Блохин принимает экскурсию в Доме авиации.

Прокофий Аполлонович и сейчас не лишен военной выправки и чисто военного подхода к делу. В суждениях о людях он иногда слишком суров, резок. Но как ласков он с друзьями! Надо было видеть, как встретились они с Блохиным! Оказалось, что оба виделись в годы гражданской войны где-то под Серпуховом; Блохин тогда был военным комиссаром, а Афоничев проходил через город со своим полком.

Таких встреч, когда собралась в редакции старая гвардия, мы видели много. Инженер-геолог Василий Петрович Новиков долго жал руку Андрею Ивановичу Горчилину, бывшему начальнику боевой дружины, члену МК партии, ныне скульптору.

Вспоминая о былых временах, Василий Петрович то и дело поглядывал на Горчилина.

Андрей Иванович трудится над созданием монумента героям баррикад 1905 года. Показывая нам у себя в мастерской работу, он объяснил, что ему обязательно хотелось бы в монументе запечатлеть агитатора-большевика, воина баррикад — рабочего, матроса с броненосца «Потемкин». Он сказал, что стремится изобразить тех людей, с которыми был на баррикадах. Вот бюст матроса. Горчилин пытался придать ему черты лица знакомого украинца, подчеркнуть силу человека, его храбрость, героизм. Рассказал Горчилин и о фигуре дружинника. Ранен в правую руку, но лицо выражает решимость: «Мы еще повоюем».

...А вот встреча другого Новикова — Константина Михайловича — с Михаилом Степановичем Николаевым... Новиков выглядит старше. В 1905 году он участвовал в боях в Лефортове и с той поры знаком с Николаевым. Позднее они вместе отбывали тюремное заключение, затем встретились в ссылке на Ленских приисках. Николаев был машинистом на пароходе, а Новиков матросом, и когда теперь Николаев запел, первым поддержал его Константин Михайлович. Он сказал, что эту же песню они пели в Бутырках и запевалой был и тогда Михаил Степанович Николаев.

Вспоминали старики и события недавнего времени. Кто-то рассказал об Иване Ивановиче Панкратове, старом дружиннике. Так сложилось, что он и в Великой Отечественной войне тоже сражался. Был ранен и, вернувшись с войны на костылях, повел сына в райвоенкомат. Только вчера Иван Иванович получил письмо от сына — он теперь морской офицер и совершил с нашими кораблями дружественный визит в Англию. Вспомнили о сыне Ивана Ивановича, и захотелось поговорить о детях, внуках, о том, как хранят они боевые революционные традиции отцов, дедов.

На публикуемом в «Огоньке» снимке в глубоком кожаном кресле справа от Татьяны Ивановны Стариковой сидит Елена Константиновна Кравченко. Это ей в день семидесятипятилетия внуки прислали приветствие: «Поздравляем с тройным двадцатипятилетием». Почему? Очень просто. Цифра «75» никак не вяжется ни с ее задорным, живым характером, ни с ее деятельной натурой. Еще сельской учительницей она в 1903 году вступила в партию. Ее всегда можно встретить на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке, где она работала до войны, где трудится и сейчас.

На снимке за Пелагеей Степановной Степановой сидит еще довольно моложавый Константин Михайлович Евневич. Его мы тоже дома не застали, а нашли в типографии, которой он уже много лет руководит. Оказалось, понадобись нам он пятьдесят лет тому назад, и тогда тоже следовало искать его в типографии. Печатником он с двенадцати лет. Пятилетний план типография выполнила еще к концу октября, а теперь трудится за 1956 год. Сейчас типография печатает книжки новаторов производства, техническую литературу, а начинал Константин Михайлович с нелегальщины. Накануне декабрьского восстания 1905 года, оставаясь ночевать в типографии, набирал революционные стихи, сам их печатал и распространял среди товарищей. С этого и начинались его первые революционные шаги. К восстанию он уже был членом партии, строил баррикады на Садовой-Триумфальной.

В какой-то степени судьба другого дружинника, Михаила Владимировича Кожина, перекликается с судьбой Константина Михайловича. И тот и другой остались верными своей профессии. Евневич не расстался с полиграфией, а Кожин — с живописью. В декабре 1905 года он командовал дружиной, учился в Строгановском училище. Рисовал тогда — не расстается с мольбертом и ныне.

Те товарищи, которые производство оставили, все равно заняты общественной деятельностью. Василия Антоновича Емельянова, активного участника баррикадных боев на Пресне, редко застанешь дома. Он выступает перед студентами, рабочими, учеными. В последнее время у него было много встреч с зарубежными гостями, которым он рассказывает о первой русской революции. Давно оставила работу участница баррикадных боев Екатерина Николаевна Ванеева, но все равно не порывает связи с театром, который возглавляла много лет.

Максима Абрамовича Лебедева застали мы дома. Он был один, и перед ним на столе лежала стопка исписанной химическим карандашом бумаги. На последнем листе стояла цифра «480». Страница начиналась с продолжения фразы: «...но, серьезно обдумав это дело, я стал убеждаться, что оно не так уж трудно, у меня стал намечаться план: проводить занятия по обучению стрельбе под видом охоты. У нас в кружках было много ребят из подмосковных деревень. Наверное, найдутся поблизости леса. Вот к этим-то ребятам мы будем наезжать «на охоту». Для этого обзаведемся несколькими охотничьими ружьями. Вот такой черновой набросок плана я и решил поставить на обсуждение кружка. Но участвовать в обсуждении и в проведении в жизнь этого плана лично мне не пришлось по причине моего ареста».

И тут узнали мы, что Максим Абрамович пишет «Воспоминания рабочего-подпольщика».

Орлиная жизнь... В редакции журнала «Огонек» сошлись они вместе, чтобы вспомнить о тех днях, когда с высоко поднятой головой вступали на путь, известный теперь всему миру: на путь борьбы за коммунизм.

Москва. 1955 год. Площадь Восстания.

УЧАСТНИКИ РЕВОЛЮЦИИ 1905 ГОДА — МОСКОВСКИЕ

В первом ряду (слева направо): С. П. Смирнов, П. А. Афоничев, Е. Н. Ванеева, В. Н. Соколов, Е. Д. Соколова-Струнина, К. М. Евневич, П. С. Степанова, Т. И. Старикова, Е. К. Кравченко.

ДРУЖИННИКИ В РЕДАКЦИИ «ОГОНЬКА».

Во втором ряду (стоят): Е. Ф. Линков, А. И. Горчилин, М. В. Кожин, В. А. Емельянов, А. А. Селиванов, В. П. Новиков, М. А. Лебедев, М. С. Николаев, К. М. Новиков, А. Д. Блохин, М. А. Гвоздев.

Фото Дм. Бальтерманца.

Участник первой русской революции, директор типографии Министерства транспортного машиностроения СССР К. М. Евневич (слева), линотипистка В. А. Абдюханова и секретарь парторганизации Л. А. Налетов.

Московский дружинник И. И. Панкратов у себя на даче.

ЗАГАДКИ АНТАРКТИДЫ

Академик Д. ЩЕРБАКОВ

Полярные области — Северная и Южная — представляют исключительный интерес для науки. Здесь лежат земные полюсы, на которые как бы опирается ось вращения Земли. Вместе с тем эти области влияют на климат всего земного шара, и на их площадях находятся магнитные полюсы, к которым сходятся магнитные меридианы Земли.

Однако в противоположность Северному полюсу, расположенному почти в центре громадной поверхности замерзшего Северного Ледовитого океана, Южный полюс находится на Антарктическом континенте. Площадь Антарктиды огромна: 14 миллионов квадратных километров. Вся эта масса суши расположена в пределах Южного полярного круга. Летом солнце здесь видимо круглые сутки, а зимой днем и ночью царит полярный мрак.

Но самая характерная особенность континента в том, что он покрыт мощным ледяным панцырем. Под действием своего громадного собственного веса панцырь сползает во все стороны к берегам. Но в прошлом было не так: ископаемые остатки животного и растительного мира, найденные в каменных пластах Антарктиды, говорят о ранее существовавших тропическом и теплом климатах.

Наши ученые считают большим праздником организацию Советской комплексной Антарктической экспедиции, которая с января будущего года уже приступает к своей исследовательской работе. Ей предстоит глубоко изучить Антарктиду, открытую смелыми русскими мореплавателями.

Рассмотрим подробнее некоторые особенности этого необычного материка.

Что разделяет моря Уэдделла и Росса!

Уже при одном взгляде на географическую карту Антарктиды обращают на себя внимание моря Уэдделла и Росса, глубоко врезавшиеся в материк с двух противоположных сторон. Этот факт имеет глубокий геологический смысл. Моря как бы делят материк на две части — восточную, занимающую примерно две трети его площади, и западную. Восточная часть сложена очень древними горными породами, перекрытыми частично почти горизонтальными наслоениями более молодых, местами угленосных пород. Это — высоко приподнятое, заметно расчлененное плоскогорье, напоминающее по своему геологическому строению Южную Африку и Центральную Австралию.

Западная часть состоит из ряда мощных горных хребтов, опоясывающих материк вдоль тихоокеанского побережья. Они рассматриваются как продолжение южноамериканских Анд, уходящих далее, в Новую Зеландию.

Между «востоком» и «западом» лежит часть материка, опустившаяся по разломам земной коры. Происшедшие здесь некогда геологические процессы и обусловили возникновение морей Уэдделла и Росса.

До сих пор, однако, неизвестно, что находится между морями: суша или широкий морской пролив? В настоящее время все это пространство занято мощными льдами. Даже самые последние аэрофотосъемки, проведенные Американской экспедицией адмирала Бэрда, не смогли разрешить этот вопрос, который остается одной из больших загадок Антарктиды.

Сам материк скрыт за громадными ледяными барьерами. В некоторых местах они труднодоступной стеной подымаются на сто метров в высоту и тянутся на сотни километров. С материковым берегом зачастую срастается ледяной барьер, и это долгое время обманывало мореходов.

Из высокогорных долин у полюса «текут» большие ледники длиной в сотни и шириной в десятки километров. Длинные их «языки» далеко выступают в море. Из сползших к морю льдов образовался и знаменитый барьер Росса, плавающий на морской воде. Он имеет площадь в 500 тысяч квадратных километров — примерно такую же, как Франция.

Красные и голубые озера

Недалеко от Южного полюса на 2 500 километров тянется хребет Королевы Мод. По данным экспедиции Бэрда, средняя высота его — 4 тысячи метров. Самые высокие массивы изрезаны острыми зубцами, а отдельные пики достигают 5 тысяч метров.

В центральной части этого хребта, над которым Бэрд пролетел в 1947 году, обнаружена громадная долина, свободная от ледяного покрова. Склоны долины состоят из розовых, красных и пурпурных пород, среди которых выделяются угольные пласты. Здесь сосредоточено одно из самых крупных в мире месторождений угля.

Но это не единственное место в Антарктиде, где видна земля, лишенная ледяного покрова.

Во время воздушных разведок американской экспедиции исследователи с удивлением обнаружили в нескольких местах обширные территории, совершенно свободные ото льдов, со сверкающими озерами с синей или красной водой. На некоторые из них садились гидросамолеты. Члены экипажей даже рискнули выкупаться в одном из озер. Вода оказалась сравнительно теплой, и летчики смогли здесь собрать разные мхи, лишайники и водоросли. Происхождение этих загадочных оазисов еще точно не выяснено. Возможно, они появились в результате вулканической деятельности, но не исключаются и угольные пожары, способные не только растопить лед, но и переплавить горные породы.

Около одного из районов распространения таких озер будет находиться береговая база Советской Антарктической экспедиции. Это позволит нашим ученым заняться вопросом о происхождении таинственных озер.

На побережье Земли Виктории (отдельные части Антарктиды по мере их открытия получили разные названия) находится группа вулканов, которые можно отнести к числу самых больших вулканов мира. Вулканы Террор и Эребус достигают высоты 4 300 метров. Действующий кратер Эребуса имеет... километровый диаметр, а глубина достигает 300 метров. Эребус выбрасывает громадные облака газов, смешанных с пеплом. Озаренные красноватым отблеском расплавленной лавы, они висят над вулканами.

Надо иметь в виду, что каждая новая воздушная экспедиция обнаруживает на этом огромном материке те или иные горные цепи, бухты, ледники.

На Земле Мэри Бэрд обнаружена и заснята вершина, являющаяся в настоящее время самой высокой в Антарктиде,— до 7 тысяч метров над уровнем моря.

Не нужно, однако, думать, что в восточной части Антарктиды, представляющей собой, по существу, высоко приподнятое плато, нет горных хребтов. В связи с расчленением этого плато и разломами земной коры здесь также появляются отдельные горные массивы и даже целые хребты. Нет никакого сомнения в том, что Советская экспедиция, на долю которой приходится наименее исследованный сектор Антарктиды в ее восточной части, будет иметь дело с ранее неизвестными горными хребтами.

Тюлени у подножия ледяного барьера.

Земля, погребенная льдами

Что представляет собой ледяной покров Антарктиды, какова его вероятная мощность? Этот покров как бы растекается во все стороны от гребневой ледяной линии, которую грубо можно считать расположенной параллельно тихоокеанскому берегу. Высота ледяного гребня превышает 3 тысячи метров.

Отдельные наблюдения говорят о том, что мощность льда, лежащего над погребенными коренными горными породами, колеблется в довольно широких пределах: от десятков до двух с лишним тысяч метров.

Если принять во внимание, что площадь льда на континенте в полтора раза больше площади, занимаемой Соединенными Штатами Америки, и в семь раз больше площади оледенения Гренландии, то получается чудовищная цифра количества льда. Если бы весь лед Антарктиды стаял, то это подняло бы уровень Мирового океана на 15—20 метров.

Однако самые последние данные свидетельствуют о значительно большей средней мощности льда. В особенности интересны в этом отношении данные, полученные Норвежско-Британско-Шведской экспедицией, которая работала в районе Земли Королевы Мод в 1949—1952 годах.

Для измерения мощности льда сотрудники этой экспедиции применяли так называемый сейсмоакустический метод. Он основан на определении скорости колебаний, проходящих через толщу льда и отражающихся от горных пород. Производились взрывы, которые вызывали образование волнообразных колебаний, распространяющихся во льду. Колебания улавливались чувствительными приборами — электросейсмографами. С помощью соответствующих расчетов удалось определить глубину, на которой залегают породы.

Сотрудники экспедиции составили профиль от берега вглубь материка на протяжении 600 километров. Оказалось, что массы льда действительно погребают очень сложный рельеф коренных пород, расчлененный и состоящий из отдельных вершин, плато, гребней и долин. Местами массы льда достигали, согласно этим измерениям, предельной мощности в 2 200 метров. По направлению к берегу они становятся тоньше и переходят в так называемый ледяной барьерный или шельфовый лед.

Льды все же отступают!

Однако в сравнительно недавнем прошлом оледенение было еще более мощным и распространялось в сторону моря значительно дальше, чем теперь. Ученые предполагают, что раньше мощность льда была, по крайней мере, на 300 метров больше, чем в настоящее время. Сейчас льды Антарктики находятся в стадии отступления.

Но самое интересное это то, что, повидимому, в Антарктике так же, как и на севере Европы и СССР, было несколько ледниковых эпох, или, иначе говоря, несколько стадий отступления и наступления льдов.

Лучшими свидетелями этого служат донные осадки. Их добыли на некотором расстоянии от берега при помощи вертикальных глубинных трубок, которые вдавливаются в грунт. В колонках грунтов, вытянутых на поверхность, четко устанавливается характерное переслаивание мелкозернистого материала с более грубозернистым. Эти переслаивания говорят об изменении климатического режима Антарктики.

Другая интересная особенность Антарктиды заключается в том, что береговая отмель этого материка, или его подводная часть, которая обычно заканчивается крутым склоном, уходящим в океан, лежит значительно глубже под водой, чем береговые отмели, например, Европы или североамериканского материка.

Ученые, изучавшие этот вопрос, склонны считать, что аномально глубокое залегание береговой отмели или шельфа — следствие большой ледяной нагрузки на континент, которая как бы вдавливала его в земную кору. Правда, эта нагрузка имеет сейчас значительно меньшую величину, чем раньше. Но обратное движение материка — его подъем — все еще опаздывает.

Таким образом, третья большая загадка — установление причин столь мощного оледенения материка и изучение колебаний его ледяного покрова. Расшифровка этой загадки, несомненно, прольет свет и на вопрос об эпохах великого оледенения, которое некогда охватывало значительную часть Северной Европы и СССР, а также и Северной Америки.

Советские ученые в Антарктиде

В решение всех антарктических проблем в скором времени включится и Советская комплексная экспедиция. Ей предстоит не только изучить морское дно на подступах к материку, но и высадить береговую станцию.

Вопреки первоначальным предположениям станция «Мирный» будет находиться не на берегу Нокса, а между шельфовыми льдами, образованными на востоке ледником Шеклтона, а на западе — так называемым Западным шельфовым льдом.

Однако, кроме этой станции-базы, Советская экспедиция предполагает организовать еще две станции в глубине материка. Одна из них, «Советская», будет лежать примерно в точке, занятой полюсом относительной недоступности, то есть в точке, равно удаленной от противоположных берегов Антарктиды. Координаты ее—примерно 55 градусов восточной долготы и 82 градуса южной широты. Другая станция, «Восток», расположится вблизи так называемого геомагнитного полюса, лежащего на 107 градусе восточной долготы и 78 градусе 30 минуте южной широты.

Наряду с изучением земного магнетизма, аномалий силы тяжести, земных токов наша экспедиция должна открыть на материке Антарктиды две телесейсмические станции. Они будут изучать колебания земной коры, вызванные землетрясениями, которые должны иметь здесь место.

Все эти наблюдения прольют свет не только на особенности строения самого материка, но и помогут вскрыть его былые связи с другими континентами, окружающими Антарктиду.

Экспедиционные суда «Обь» и «Лена» перед выходом в Антарктику.
Фото В. Темина.

Е. РЯБЧИКОВ,
специальный корреспондент «Огонька» в Советской Антарктической экспедиции

Ученые могут рассказать многое о далеких планетах и в то же время имеют смутное представление о шестом материке Земли — Антарктиде. На Луну или Марс можно посмотреть в телескоп. А как взглянуть на Антарктиду, скрывающуюся за «поясом вечных бурь и льдов»?

Сто тридцать пять лет назад отважные русские мореходы открыли Антарктиду. Они приплыли на деревянных шлюпах «Восток» и «Мирный» под командованием Ф. Ф. Беллинсгаузена и М. П. Лазарева к берегам шестого континента и в память об этом выдающемся географическом открытии наименовали многие острова русскими именами.

Капитан дизельэлектрохода «Обь» И. А. Ман.
Фото А. Лесса (ТАСС).

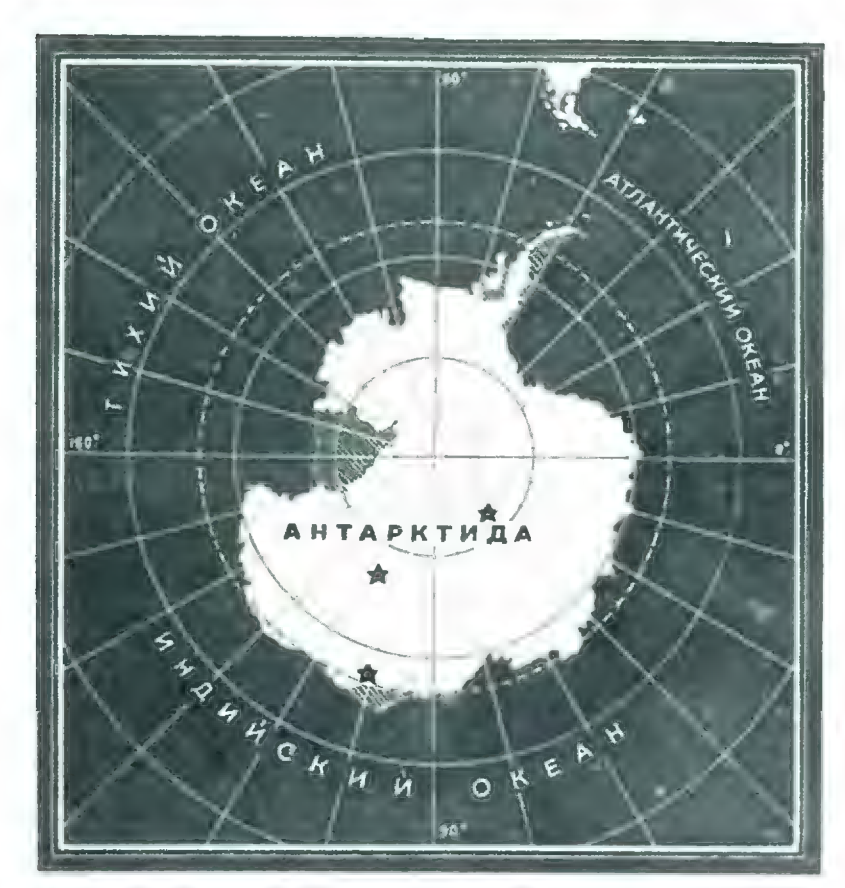
Прошли годы. Таинственная земля, забаррикадировавшаяся льдами, оставалась загадкой. Лишь в 1911 году на Южном полюсе очутился неутомимый Руал Амундсен. Затем пришел на вершину Южного полушария со своими спутниками Роберт Скотт. От голода и морозов погибла на обратном пути вся его экспедиция. Потом к «земле тайн» шли другие исследователи, но знания об Антарктиде оставались ничтожно малыми. И даже сейчас нет уверенности, что Антарктида — сплошной материк. Возможно, подо льдом скрывается гряда островов. Внутренние районы «загадочной земли» так и остаются «белыми пятнами» на картах.

Исследовать Антарктику порознь, усилиями героев-одиночек, невозможно. Ученые Советского Союза договорились с учеными 35 стран о совместных усилиях в исследовании шестого

материка и всего Южно-Полярного бассейна. Невиданные по размаху научные наблюдения будут вестись не только в Антарктике, но и во всех районах Земли с 1 июля 1957 года по 31 декабря 1958 года. В это время повсюду ученые «положат руку на пульс Земли». Наиболее интересные и необычайные исследования будут проводиться в Антарктиде.

Для участия в международных наблюдениях за Южным полярным кругом, в Антарктике, из Советского Союза выходит флагманское судно «Обь» комплексной научной экспедиции, организованной Академией наук СССР и Главным управлением Северного морского пути. Океанский дизельэлектроход «Обь» — большое судно водоизмещением более 12 тысяч тонн. Корабль приспособлен для плавания во льдах, он прошел уже суровый экзамен во время походов по трассе Северного морского пути.

Перед рейсом в Антарктику «Обь» была специально подготовлена Рижским судостроительно-судоремонтным заводом к плаванию и перевозке экспедиции: на корме флагмана поднялась высокая надстройка для вертолета, чинно расположились на эстакадах крепко прикрученные к бортам транспортные самолеты; ученые со своими приборами и аппаратами разместились в подготовленных лабораторных помещениях. Для научных работников, летчиков и строителей оборудованы дополнительные каюты и салоны.

Карта Антарктики. Звездочкой обозначены предполагаемые районы работы Советской экспедиции.

«Обь» готовилась к плаванию и в Риге, и в Калининградском порту. День и ночь шла погрузка разборных домов, самолетов, тракторов, вездеходов, приборов, продовольствия. Целые железнодорожные составы приходили в порт, а через несколько часов они отправлялись пустыми: доставленные грузы оказывались на палубах «Оби». В багажных вагонах доставляли в порт меховую одежду, приборы, лыжи; специальными самолетами привезли с Колымы лучших ездовых собак. Перемахнув через всю страну, пятьдесят рослых псов поднялись на борт корабля и заняли свои домики.

Перечень заводов, фабрик, мастерских, лабораторий и институтов, приславших для экспедиции бесчисленные ящики, картонки, футляры, мешки и контейнеры, показывает, что Антарктическую экспедицию оснащала вся страна. Научно-исследовательские институты мясной и молочной промышленности и Институт питания Академии медицинских наук СССР прислали сухой ацидофилин, сухую сметану и сухую простоквашу; Московский мясокомбинат отгрузил консервированные сосиски с капустой и любительскую колбасу; Армавирский консервный завод доставил консервированные вареники со сметаной. С меховых фабрик и из мастерских привезли горы теплой одежды. Стоит сказать, что на каждого зимовщика приходится по 38 предметов специальной одежды и снаряжения.

За бортами флагманского корабля «Обь» раскинулась свинцово-темная зимняя Балтика с низко летящими тучами над вспененными волнами. На судне идет обычная экспедиционная жизнь. Прославленный полярный летчик Герой Советского Союза Иван Иванович Черевичный занят проверкой крепления самолетов и вертолета, громоздящегося на помосте. Начальник Антарктической экспедиции Герой Советского Союза Михаил Михайлович Сомов обходит корабль: узнает у научных работников, как они разместились, удобно ли им, как расположено их оборудование.

Начальник Антарктической экспедиции М. М. Сомов.

Мы просим Михаила Михайловича Сомова рассказать читателям «Огонька» о предстоящем пути следования «Оби», о предполагаемом месте высадки Антарктической экспедиции и первых работах за Южным полярным кругом.

— В работах первой Советской комплексной Антарктической экспедиции,— говорит М. М. Сомов,— принимают участие два океанских судна общим водоизмещением более двадцати четырех тысяч тонн. Помимо «Оби», следом за нами пойдет вспомогательное судно «Лена». Оба они доставят к берегам Антарктиды восемь тысяч тонн всевозможных грузов экспедиции. Суда пройдут вдоль берегов Европы и Африки, минуют экватор и выйдут к Южному полярному кругу. Предстоит пересечь снискавшие среди мореходов мрачную славу «сороковые ревущие» параллели, форсировать ледяные барьеры, не раз заставлявшие отступать отважных путешественников.

Лавируя среди льдов и форсируя их, «Обь» должна подойти к берегу Антарктиды. На долю Советской экспедиции достался наиболее трудный и неизученный участок антарктического побережья. Что нас ждет там? Возможно, преодолев льды и бури, мы подойдем к отвесным скалам, круто падающим в океан, и вынуждены будем долго искать места, где можно выгружать дома, машины, вертолеты, тракторы и приборы. Не исключено, что мы, не найдя пригодного места на берегу, произведем выгрузку на лед. В таком случае важно будет расселиться как можно подальше, чтобы ледник, медленно спускающийся в океан, не сбросил с собой и нас в воду.

Мы создадим южно-полярную береговую обсерваторию, которую назовем в честь русского парусного судна «Мирный». Поселок будет состоять из прочных, утепленных домов. Каждый такой дом имеет площадь 60 квадратных метров, удобен для жилья и работы. Антарктида славится неистовыми бурями, поэтому каждый дом имеет не только двери, но и специальное отверстие в крыше, через которое можно будет выбираться во время заносов. В «Мирном» будут стоять жилые дома, мощные радио- и электрическая станции, гаражи, склады, павильоны с приборами.

Чтобы провести обширные научные исследования, мы создадим еще две южно-полярные обсерватории.

При изыскании удобного места для этих обсерваторий мы используем самолеты и вертолеты. Машины с вертикальными винтами будут служить нам не только для целей рекогносцировки местности, но и для перевозки научных работников и грузов. Надо учесть, что там мы встретимся с бездонными пропастями — трещинами.

Нашим авиаторам придется летать в чрезвычайно сложных условиях: для Антарктиды нет карт, там нет наземных радио- и метеостанций, нет радио и световых маяков, нет сводок погоды. Штурманы составят новые карты и проложат первые воздушные трассы. Возможно, нам удастся подготовить ледовый аэродром, и он, может быть, примет транспортные самолеты из Москвы — тогда пролляжет гигантская воздушная трасса Москва—Антарктида.

Борт дизельэлектрохода «Обь».

Капитан дизельэлектрохода «Лена» А. И. Ветров.

ВЬЕТНАМ, 1955 ГОД

Г. БОРОВИК,

специальный корреспондент «Огонька»

← Везут соль.

Несостоявшаяся беседа

Рано утром, в тот благословенный час, когда даже под противомоскитной сеткой ощущается некоторое подобие утренней прохлады, нас будит протяжный автомобильный гудок. Стрелки часов показывают пять. Через тридцать минут зеленый «ГАЗ-69», груженный нашими походными пожитками: фотоаппаратурой, большой географической картой Вьетнама, бутылками с кипяченой водой, дорожной военной аптечкой, постельными принадлежностями и противомоскитными сетками,— вывозит нас со двора маленького двухэтажного отеля, где проживает в Ханое группа иностранных корреспондентов. Наш маршрут: Ханой — Туан-Чау (столица первого в ДРВ национального автономного округа, созданного весной нынешнего года). Машина вырывается за город, и стрелка спидометра дрожит между цифрами «80» и «100».

— Надо засветло успеть в Мок-Чау (это пункт ночевки),— объясняет наш переводчик товарищ Ки.— Иначе небезопасно. Километрах в двадцати от городка начинается ровная местность, там очень высокая трава. Небезопасно.

— Почему? — спрашиваем мы.

— Тигры,— отвечает переводчик.

— Тигры?! Мы же в машине!

Ки смотрит на нас, как взрослый человек на несмышленого ребенка. Он рассказывает о том, сколько было случаев нападения тигра на остановившуюся машину, как кровожаден этот зверь, всегда выбирающий своей добычей человека покрупнее. Мы невольно оглядываем друг друга и больше уже не просим шофера ехать медленнее.

Километров через восемьдесят как-то сразу кончается равнинный пейзаж, грозно встают вокруг нас горы, вместе с дорогой внизу бежит бурная и мутная река. Нас бросает из стороны в сторону. Стрелка спидометра теперь только изредка подпрыгивает выше двадцати. Это уже Тай-Бак — гористый вьетнамский северо-запад. Несколько лет назад по его неприступным хребтам, сквозь густые заросли прошли партизанские части вьетнамской Народной армии—плохо вооруженные, в изодранной одежде, истощенные голодом и малярией, люди, совершившие один из своих беспримерных подвигов.

Участник этого героического перехода сидит рядом с нами в машине — товарищ Ки. Ему двадцать семь лет. Он худощав, небольшого роста, спокоен, с виду даже немного флегматичен. Мы знакомы с ним уже около двух недель — с момента нашего приезда в Ханой,— но о том, что он был участником тай-бакского похода, узнали не от него. И это не скрытность: просто наш Ки убежден, что в его жизни нет ничего примечательного. Вот и сейчас я вижу, что ему мучительно трудно говорить о себе. Он поминутно обращает мое внимание то на красивую реку, то на ястреба в небе, то вдруг делает вид, что забыл какое-то русское слово.

— Мне говорили, товарищ Ки, что вы там себя очень хорошо показали.

— По-моему, ничего не было.

— Уж так ничем себя и не проявили?

— Что такое «проявили»?

Ки достает книжечку из бокового кармана и старательно записывает все значения русского слова «проявить». Машину трясет, дело подвигается медленно. Наконец книжечка спрятана.

— Так как же, товарищ Ки?

— Простите, я вас перебью,— внезапно оживляется Ки.— Сейчас я вам покажу торговлю без продавцов...

Мы вылезаем из машины. У дороги врыты деревянные столбики, на них положена длинная доска. На доске — плетеные корзиночки с плодами зеленого цвета величиной с крупную сливу, бутылки с какой-то жидкостью. Ки переводит нам надпись, сделанную карандашом на маленьком листке бумаги: «Мы, жители села Ла-Кэн, решили продавать чай и куяо на дороге, чтобы путникам было удобно. Но у нас нет времени сидеть здесь. Поэтому покупайте сами. Просим пустые бутылки оставлять на месте, а 50 донгов за чай и 30 донгов за куяо класть в мешочек. Желаем здоровья вам и вашим родственникам. Счастливого пути! Жители села Ла-Кэн...» Дальше следуют три десятка подписей.

— Обратите внимание, — говорит нам Ки. — Это совсем новое явление в здешней жизни. Дело в том, что в этом районе живет в основном народность тай. Французы, как могли, подогревали вражду тай к другим национальностям. И если раньше, во времена колонизаторов, мимо такого селения, вроде Ла-Кэн, проходил одинокий мео, мыанг, са или вьетнамец, то он мог ждать от жителей какой-нибудь неприятности, но уж никак не помощи.

Мы выпиваем бутылку чаю, съедаем корзинку куяо — очень сочных, чуть кисловатых, вяжущих рот плодов, кладем в мешочек деньги и снова трогаемся в путь.

Я пытаюсь продолжать расспрашивать Ки о походе, но он снова перебивает меня:

— Вы видите черные лысины на горах? Вон там, наверху? Это люди мео и ман жгут и вырубают джунгли на склонах, чтобы засеять землю. Проходит несколько лет, участок зарастает травой, молодыми деревьями — и снова мео и ман идут в наступление на джунгли. Это очень честный и гордый народ. Они замечательные охотники, хорошие животноводы. Во время войны Сопротивления целые деревни мео превращались в партизанские отряды. Многие из людей мео и ман погибли. Теперь мео чуть более ста семидесяти тысяч, а ман сто шестьдесят тысяч.

— А сколько всего национальностей живет во Вьетнаме?

— Более шестидесяти — около трех миллионов человек. Почти полмиллиона из них — в Южном Вьетнаме. На северо-западе, куда мы едем, живут тай, мео, мыанг, то, са, пок...

В этот момент шофер резко тормозит.

— Паром,— объясняет переводчик.

Впереди внизу, тяжело поблескивая на солнце, медленно катит

илистые воды река. К ней ведет мощенная камнем дорога. Паром на том берегу. С нашей стороны какой-то вьетнамец подходит к самой воде, закидывает голову назад и, сложив руки рупором, кричит:

— Фа-а-а! Фа-а-а! (Паром! Паром!)

Мимо машины к реке идут гуськом человек десять. Каждый ведет велосипед, груженный плетеными корзинами.

— Везут соль,— сказал нам всезнающий Ки. — Из приморских провинций в горные районы северо-запада. Там ее не хватает. Несколько сот километров — за десять — двенадцать дней. С раннего утра до вечера толкают перед собой велосипеды.

— Сколько же соли нагружают на один велосипед? — спросили мы одного из перевозчиков.

— Около двухсот килограммов. А отличники берут до двухсот пятидесяти. Автомобилей у нас пока еще маловато...

К вечеру выясняется, что мы все же не успеем засветло в Мок-Чау. Шофер включает фары и добавляет газ. Машина вошла в «тигроопасную зону». Мы старательно смотрим во все стороны, выискивая горящие в темноте глаза зверя, но все наши усилия тщетны. Мотор тоже ведет себя безукоризненно, и мы добираемся до Мок-Чау без всяких происшествий.

Нам предстояло провести ночь в одной из комнат дома местного комитета Партии трудящихся Вьетнама. Прежде чем лечь спать, я решил в последний раз попытаться расспросить Ки о походе. Наш верный переводчик беспомощно повертел головой, соображая, чем бы еще отвлечь мое внимание, и, не найдя ничего, махнул рукой, смущенно улыбнулся и начал рассказ... Но при первых звуках его голоса электрическая лампочка предостерегающе мигнула, затем ее залихорадило, и в следующее мгновение комната погрузилась в глубокий мрак.

— Движок работает только до десяти вечера, — облегченно вздохнув, произнес Ки.

На базаре в Туан-Чау.

На базаре

Во второй половине следующего дня мы приехали в столицу автономного национального округа — городок на берегу зеленого озера. Туан-Чау лежит в глубоком ущелье между двумя хребтами остроконечных, совершенно вертикальных гор. За вершины их то и дело цепляются маленькие рваные тучки и поливают тростниковые крыши пяти десятков домиков мелким теплым дождичком. В Туан-Чау только один каменный дом. Он стоит на отшибе, на пригорке, и весь городок оттуда, как на ладони. Некоторое время тому назад в этом здании за каменной оградой располагался гарнизон колонизаторов и их марионеток. Сюда солдаты притаскивали девушек тай и мео, которые после этого должны были завязывать волосы узлом на затылке и потерять всякую надежду выйти замуж; отсюда раздавался барабанный бой: три удара означали приказ населению нести рис, четыре удара — мясо, пять ударов — собираться, чтобы присутствовать на казни попавших в плен партизан. По ночам отсюда доносились до городка пьяные вопли, стрельба, грубые песни.

Сейчас из окна этого же дома мы видим мерцающий луч кинопередвижки на центральной улице городка, слышим веселый смех и аплодисменты зрителей. Теперь в этом здании помещается административный комитет округа, и вход сюда круглый день открыт для любого, кто хочет получить совет или помощь. Время колонизаторов ушло безвозвратно.

— Вы хотите собрать материал о национальных взаимоотношениях? Побродите по базару, и вам многое станет ясно, — советует нам товарищ Кам Бьеу, работник административного комитета.

...Площадь посреди городка наполовину уставлена всякими товарами. Здесь преимущественно съестное: «за» — молодые вареные бобы, «ка хо» — сушеная рыба, привезенная с океана носильщиками-велосипедистами, «муом» — сладкие, вяжущие рот фрукты, которыми здесь лечат желудок, «сой» — рис, сваренный в банановых листьях, «титлон» — нарезанная мелкими ломтиками жареная свинина с чесноком, «бань-тьынг» — рис, прокипяченный в отваре травы «лазан», холодная питьевая вода в сушеных тыквах, соль и многое, многое другое.

Мы идем по рядам медленно. Останавливаясь около продавца, здороваемся, объясняем, кто мы такие. В ответ каждый приветливо улыбается, справляется о нашем здоровье и выражает надежду, что все наши родственники тоже здоровы. После этого начинается деловой разговор о товаре, который продавец хвалит сдержанно, с достоинством, о погоде, о последних событиях, о жизни.

Наши беседы становятся все продолжительнее и непринужденнее. Когда мы надолго останавливаемся возле высокого старика с редкой бородкой, торгующего бань-тьынг, нас обступают десять — пятнадцать продавцов и покупателей.

— Сегодня здесь мало народу,— говорит старик,— не ярмарочный день. А вот раз в пять дней люди приходят издалека, оттуда, где кашляет обезьяна и поет журавль. По двое суток идут некоторые.

— И раньше много народу бывало? — интересуемся мы.

— Ну нет! Раньше на этом базаре торговали только тай, — отвечает словоохотливый старик. — Правду я говорю, соседи?

— Конечно, правду, — чуть робея, подтверждает молодой парень, судя по одежде, мео.

— Мео, мыанг, са боялись сюда ходить, потому что без ссоры дело не обходилось, — спокойно говорит пожилая женщина, сидящая на маленьком стульчике возле своей жареной свинины — титлон.— Колонизаторы обязательно натравливали одних на других!

— А если и не ссорились,— добавляет молодой мео, — то все равно приходить нам нельзя было: негде переночевать.

— Где же вы ночуете теперь? — спрашиваю я у парня.

— Административный комитет построил несколько домиков специально для этого.

— А когда не хватает домов,— весело вставляет слово вьетнамец в пробковом шлеме, обтянутом коричневым целлофаном, — каждый из тай пригласит приезжего к себе домой, угостит рисом, и оба будут учить язык друг друга.

Кругом заулыбались, одобрительно закивали головами.

— Ну не каждый еще,— мрачно говорит бородатый продавец. — У меня есть сосед Туан Ба, вы знаете его...

— О, Туан Ба! Еще бы, кто его не знает! — загудели вокруг.

— Так вот, — продолжает рассказчик, — его дочь полюбил парень из са. Хороший парень, бывший партизан. И она его полюбила. И вот, когда тот приходил, Туан Ба вешал на дверь зеленые листья [1]. Ну, дочь сама стала навещать парня, а отец пригрозился убить ее.

— А ты что же? — горячо спросил кто-то.

— Что я? Я его убеждаю каждый вечер. Ведь мы, говорю, как два берега одного ручья. Один берег — тай, другой — мео, или са, или вьетнамцы. А враг, как буйвол, ходил по ручью и ел траву то с одного, то с другого берега. Врага прогнали. Так надо построить мост между берегами и жить дружно...

— Ну, а он?

— По-моему, я немного расшатал сваи его упрямства, но вот жена у него... ох, жена!..

— Самая мудрая женщина глупее самого глупого мужчины,— безапелляционно заявил парнишка мео.

— Ого! — возмутилась продавщица «титлон».— Вон сзади жена твоя идет, она тебе задаст!

Парень невольно обернулся, и вокруг захохотали. Кто-то достал большую бамбуковую трубку, и она пошла по кругу. Каждый клал в нее щепотку табаку и два — три раза глубоко затягивался. Налитая в трубку вода громко булькала.

— А вот вчера моя жена очень умную вещь сказала, — хитровато прищурясь, произнес вьетнамец в шлеме.— Учитель из новой школы пожаловался, что наш сын Тхи плохо себя ведет: подсказывает соседу по парте, сыну Куанга. Он мео, как вы знаете. Так моя жена вот что ответила учителю: «Я, конечно, — говорит, — своего сына буду критиковать и перевоспитаю, но, между прочим, это очень хорошо, что он товарища из беды выручает и что товарищ у него мео. Пусть с детства между ними будет дружба. Тогда никто и никогда не сможет их рассорить...» А ты говоришь, женщины глупы!

Кругом добродушно засмеялись, а переводчик Ки даже снял от восторга очки, отчего лицо его стало совсем детским.

— А что ж, ведь женщины больше всего между собой враждовали, — продолжая смеяться, сказала продавщица титлон. — Да будет вам известно, советские товарищи, что мы, тай, пугали своих детей женщинами са или мео. А женщины мео говорили про нас: «Только увидишь кокон из волос на голове, сразу появ-

[1] Зеленый лист на двери дома по обычаям тай означает, что хозяин не желает принимать гостя.

ляется презрение к тай». Первое время даже на митингах дружбы, которые устраивали работники партии, женщины разных народностей сидели отдельно друг от друга.

— Это те женщины, которые не участвовали в партизанской борьбе,— сказал человек в шлеме.— Те, кто вместе воевал в джунглях — и женщины и мужчины, — тех уже никто рассорить не сможет. Каждый отдавал другому последнюю таблетку хинина...

...Вечером товарищ Кам Бьеу говорил нам, с удовольствием потягивая чай из стакана:

— Конечно, и сейчас нельзя сказать, что пережитков вражды не осталось. Особенно среди женщин. Но главная причина вражды уничтожена — колонизаторов нет. А совместная борьба против них создала основу для дружбы.

— Кровь соединила,— тихо сказал Ки.

— Да, кровь соединила,— подтвердил Кам Бьеу.— Теперь главное — создать экономическую основу для дружбы и союза. Чтобы, кроме заинтересованности в дружбе с точки зрения военной, была еще и экономическая заинтересованность...

— Значит, многонациональный базар, на котором мы сегодня были,— это одна из форм увеличения экономических связей?

— Вот именно.

Все вместе

Наутро Ки с чуть хитроватой улыбкой сообщил нам, что если мы еще не отказались от желания участвовать в охоте, то сегодня самый удобный случай (мы действительно однажды просили Ки показать нам «настоящую охоту»). Несколько жителей соседней деревушки собираются устроить облаву.

— На тигра! — в один голос воскликнули мы.

— Это еще точно не известно,— последовал дипломатический ответ.

Мы потуже затянули пояса, плотнее нахлобучили наши шлемы, взяли с собой лишнюю фотокамеру на случай, если вся остальная аппаратура окажется в лапах разъяренного зверя, и экспедиция тронулась в путь.

Охотники — всего человек двенадцать — собрались около одного из деревенских домов. Судя по одежде, это были в основном мео — признанные мастера охоты, а также тай и са. Почти все были вооружены длинноствольными самодельными ружьями, только у трех человек за спиной висели добротные французские карабины, а длинный худой старик держал в руках бамбуковый лук-самострел. По рассказам мы знали, что лук у мео — грозное оружие. Стрелы их смочены в ядовитом отваре какого-то дерева. Достаточно царапины от такой стрелы, чтобы яд подействовал почти мгновенно. Пока мы сидели с охотниками и ждали старшего, который ушел за собаками, нам рассказали, что порох охотники делают сами, используя помет летучих мышей и уголь. Пули для самодельного ружья тоже собственного производства. Летят они на расстояние в 200—300 метров.

Охота, как оказалось, будет вовсе не на тигра, а... на горных козлов — их следы видели на склоне соседней горы после вчерашнего дождя. Мы пытаемся расспросить, как происходит охота на тигра, но Ки предупреждает нас, что в здешних, «тигриных» краях охотники не любят говорить на эту тему и даже предпочитают поменьше произносить само слово «тигр». Охотятся же на него сразу несколькими деревнями.

Наконец пришел старший, ведя на лиановых шлейках четырех короткохвостых добродушных псов. Он разбил охотников на две группы. Одна, меньшая, пошла в гору налево — эти охотники должны были ждать козлов в засаде; другая взяла вправо — этим предстояло быть загонщиками. Мы с моим спутником тоже разделились, я пошел направо.

Вначале охотники двигались среди густого кустарника и редких деревьев. Потом склон стал круче, а деревья — чаще и толще. Обвивая стволы, висели поросшие мхом лианы. То и дело слышался удар тесака, большого, как японский меч, которым здесь пользуются во всех случаях жизни,— это шедшие впереди пробивали дорогу. Через час ходьбы я понял, что дальше двигаться не смогу. От земли поднимался густой влажный воздух, мешавший дыханию, сердце готово было разорваться на части. А впереди как ни в чем не бывало легко шагал Ки, чуть сзади — с еще большей легкостью — старик с луком.

И тут пришло спасение: старший приказал троим охотникам остаться на одной из полянок, на случай, если козлы поскачут вниз. Мне он посоветовал дальше не ходить, а залезть на высокое развесистое дерево, стоявшее посреди поляны: отсюда будет видна общая картина охоты.

На поляне остались двое мальчишек лет по четырнадцати и старик с луком. Старик, Ки и я, взобравшись на дерево, стали ждать начала облавы, мальчишки залегли по краям поляны.

Старик сидит рядом со мной на толстой ветке. Лук он повесил на сучок и ловко чистит плод куяо своим огромным тесаком. Очистив, он угощает меня. Я то же самое делаю для него. До начала облавы еще около часа. Старик рассказывает мне, что все они, охотники, только недавно вернулись в родную деревню. Много лет жили в джунглях, уйдя от колонизаторов, которые сожгли их дома.

— Вон те мальчонки, что внизу,— говорит старик,— выросли в джунглях. Родную деревню, где родились, забыли. Думали, что так и полагается голодать всю жизнь и жить в шалашах... До сих пор не можем детишек приучить питаться нормально рисом, мясом, рыбой.

Старик рассказывает, как сроднились в джунглях, в партизанских отрядах, и тай, и мео, и са.

— Вместе — это самое главное, — торжественно сказал наш собеседник и на мгновение перестал чистить куяо. — Вместе мы дрались и на охоту ходили вместе. Вот и теперь, видите, вместе ходим, а раньше этого никогда не бывало.

Старик очистил плод, но он оказался неспелым и был сброшен вниз.

— У тай даже сказка есть такая,— продолжал старый охотник.— Если хотите, могу рассказать.

...Это было так давно, что, наверное, даже прадед моего прадеда еще не родился на свет. Люди в те времена умели разговаривать с животными и растениями, теперь-то они уже забыли, как это делается. Жил тогда на свете Ай Си Па Ха Лам — черт. У него было пять носов и четыре хвоста. Не проходило дня, чтобы он не съедал по одному человеку, одному зверю и одному растению каждого вида — лук, капусту, куяо, перец, траву личжин. Вот какой это был жестокий и прожорливый черт!

И жила тогда на свете одна семья из двух человек — Мать и Сын. Пришел черед кому-нибудь из них идти к пятиносому на съедение. Но если Мать пойдет к нему, то Сын умрет с горя, а если Сына съест черт, то Мать погибнет от тоски и голода.

Долго они думали, как быть. Наконец Сын взял тяжелый меч и вышел на перекресток двух дорог. Там он сел на землю и стал точить меч о большой камень.

Проходят мимо него по дороге растения, овощи, животные, спрашивают: «Зачем это ты точишь меч, Сын Матери?» «Чтобы убить пятиносого и четырехвостого»,— отвечает Сын и продолжает точить. «Это очень хорошее дело»,— шепчут друг другу прохожие, но те из них, кто был труслив, шли дальше. И только смельчаки останавливались возле Сына.

Когда на перекрестке собрались волк, черепаха, перец, змея, тыква, пчела и мох-лишайник, Сын говорит им: «Каждый из нас слаб, но вместе мы сильнее Ай Си Па Ха Лама. Когда наступит ночь, мы заберемся к нему во двор и тогда посмотрим, кто победит...»

Так и сделали. Когда стало ясно видно самую маленькую звезду на небе, волк бросился в курятник, куры зашумели и разбудили черта. Тот побежал через кухню во двор, чтобы наказать кур, но черепаха укусила его за ногу. Ай Си Па Ха Лам потянулся за кремнем и огнивом, чтобы высечь огонь, но перец превратился в порошок и бросился ему в глаза, четырехвостый взревел и помчался к кадке с водой, но змея обвилась вокруг его рук и не дала промыть глаза. Тогда пятиносый выскочил на крыльцо, и тут тыква с грохотом упала ему на голову. Перепугался черт и начал носиться по двору, а пчела принялась жалить его в нос, в руки, в живот, спину. С криком помчался Ай Си Па Ха Лам к погребу, чтобы спрятаться в нем, но поскользнулся на мху и растянулся. Тут-то Сын поднял над головой острый меч и мгновенно отрубил черту голову с пятью носами...

И тогда все, кто малодушно проходил мимо Сына на перекрестке, поняли, что нет никого сильнее, если все вместе.

Вот какая это сказка...

Некоторое время мы сидели молча. Вдруг справа от нас гора огласилась криками, шумом, треском ломаемых сучьев, лаем собак. Старый охотник схватил лук, легко соскользнул с ветки, спрыгнул на землю и, что-то крикнув, побежал в чащу. Голоса и лай медленно передвигались влево, в ту сторону, где сидели в засаде охотники. Начиналась облава...

...Когда в сумерках мы уходили из деревни, провожать нас вышли все наши друзья-охотники. Долго прощались, приглашали приходить еще — посмотреть охоту на «большого зверя» (они так и не сказали — тигра). Потом они стояли и смотрели нам вслед — мео, тай, са,— плечом к плечу. Среди них был и старик, который рассказал мне сказку о том, как важно всем быть вместе.

Охотники мео.

«Не только жизнь прожить,
не только отражать,—
К чему зеленый куст и
,гладь озер зеркальных?
Нет! Строить жизнь, все
выше поднимать!»

Я. Райнис

Красавица Рига — театральный город. Ее семь театров никогда не бывают пусты: рижане любят искусство. Но в созвездии рижских театров каким-то особым светом сияет слава Академического Государственного театра драмы. Если поразмыслить над его судьбой, то станет понятным, в чем заключена пленительная особенность этого театра: он чрезвычайно народен.

В 1949 году Государственный театр драмы торжественно отметил тридцатилетие. Однако корнями своими он уходит в более отдаленные времена — к периоду становления национального латышского театра в конце прошлого столетия. В те годы раздалось мощное слово великого Яна Райниса, появился крупнейший латышский драматург Рудольф Блауман. На сцене своего национального театра латышский зритель увидел таких блистательных актеров, как Берта Румниек, Екаб Дубур, Даце Акментынь. От них идут благородные традиции театра, здесь мы видим истоки вдохновенного искусства талантливого коллектива.

...В 1919 году над столицей многострадальной Латвии взвилось алое знамя свободы. У колыбели родившегося тогда Рабочего театра Советской Латвии стал такой крупный художник и общественный деятель, как Андрей Упит, такие выдающиеся режиссеры, как Алексис Миерлауке, Альфред Амтман-Бриедит, актеры Берта Румниек, Тия Банга, Мирдза Шмитхен, Эрик Лауберт. Вместе с ними пришли в театр и талантливые молодые актеры, многие из которых в настоящее время стали большими мастерами не только латышской, но и всесоюзной сцены.

Вот что пишет об этом периоде в истории национального театра Андрей Упит:

«Вместе с Советской властью на латышскую сцену пришел и новый дух. Это почувствовали не только актеры, но в полном смысле слова весь народ. Театр ежедневно был переполнен, билетов не хватало для всех желающих, пришлось часть билетов передавать в профсоюзные организации, чтобы таким образом рабочие имели доступ на каждую новую постановку. Близкие по духу трудящимся постановки шли месяцами,— такой интерес к идейной драме наблюдался разве только в 1905 году».

Когда пала красная Латвия и в Ригу вместе с немецкими ландскнехтами фон дер Гольца ворвались белогвардейцы, пал и Рабочий театр. Вывеска его с остервенением была сорвана в тот же день. Затем новые властители Латвии взялись за «перестройку» театра, стремясь вытряхнуть из его репертуара все, что хоть в какой-то мере напоминало «красный дух». Страна погружалась во мрак реакции. Лавочники, торгаши и промышленники — в городе, кулаки — в деревне стали хозяевами жизни. Но и в это тяжелое лихолетье театр, в котором подспудно тлели непогашенные искры честного искусства, старался обращать свой голос к народу.

Ян Райнис, перед которым, по крайней мере первое время, лебезила новая власть, став во главе театра, пытался сохранить прежние традиции. Пьесы самого Райниса «Золотой конь», «Вей, ветерок», «Иосиф и его братья», «Играю, пляшу», сатирические пьесы Андрея Упита, из которых наибольшим успехом пользовалась «Купальщица Сюзанна», бичевали мещанство, пошлость, жадность, стяжательство — все то, что было присуще правящей клике тогдашней Латвии. Нараставшая реакция придавила и эти вспышки творческой энергии театра. Ян Райнис вынужден был уйти, замолк Андрей Упит, театр захирел.

...В 1940 году в Латвии утвердился советский строй, и вместе с ним началось возрождение высокоидейного искусства, направленного на службу народу. Рухнули перегородки, искусственно отделявшие великую русскую культуру от латышской, рухнули все препятствия, воздвигнутые на пути развития театра. «Любовь Яровая», «Разлом», «Свои люди — сочтемся» были первыми русскими пьесами, поставленными здесь. Драматурги Ю. Ванаг и Ф. Рокпелнис написали для театра революционную пьесу «Они проложили путь». По-новому были поставлены пьесы «Победа Яшки Зингиса» А. Упита и «В огне» Р. Блаумана.

Но все это было только началом идейной и творческой перестройки. Фашистское нашествие черной тучей обрушилось на Латвию — и умолкло все! Большинство актеров эвакуировалось, часть была изгнана со сцены, оставшиеся влачили жалкое существование. Три года страна жила во мраке и отчаянии.

В 1944 году в Ригу вступили советские воины и среди них гвардейская латышская дивизия. Москва в день освобождения Риги гремела могучим артиллерийским салютом.

Еще и месяца не прошло после этого, как Государственный театр драмы возобновил свою работу.

«Таня» А. Арбузова. Таня — заслуженная артистка ЛССР Велта Лине.

«Кремлевские куранты» Н. Погодина. Матрос Рыбаков — заслуженный деятель искусств ЛССР Жан Катлап.

«Дни портных в Силмачах» Р. Блаумана. Антоння, хозяйка усадьбы,— народная артистка ЛССР Ольга Лейскалн.

«Цеплис» по роману П. Розита. Берта — заслуженная артистка ЛССР Лидия Фрейман.

«На дне» М. Горького. Актер — заслуженный артист ЛССР Альфред Видениек.

«Земля зеленая» А. Упита. Либи — народная артистка ЛССР Анта Клинтс.

«Как на великом празднике, встретились посетители первых спектаклей в Театре драмы после освобождения Риги, — рассказывает народный поэт Латвии Я. Судрабкалн. — Вместе с гвардейскими латышскими стрелками в Латвию вернулась и свободная муза театра».

Находясь в эвакуации, работая в Иванове, актеры и режиссеры Латвии еще больше сблизились с русскими актерами, обогатили свой опыт. В 1945 году коллектив МХАТа, прибывший на гастроли в Ригу, взял шефство над Государственным театром драмы. Это событие сыграло немалую роль.

С первых лет своего возникновения латышский театр был связан с русским сценическим искусством. Еще в 1870 году на латышский язык была переведена бессмертная комедия Гоголя «Ревизор», и с тех пор она все время идет на латышской сцене. На фронтоне Государственного театра драмы есть мемориальная доска, рассказывающая о том, что М. Горький именно здесь в 1904 году присутствовал на репетициях своих пьес. Учителем замечательной актрисы латышской сцены Л. Шпильберт был И. Певцов. Теодор Лацис — великолепный актер, украшение латышского театра — окончил русское театральное училище, много лет выступал на русской сцене под фамилией Лаврецкий. Прекрасный режиссер Эрнест Фельдман, умерший в 1947 году, был воспитанником известного театрального училища Адашева, где учился и Евгений Вахтангов. Виднейший режиссер театра Вера Балюнас училась в 3-й студии МХАТа, а потом в течение многих лет работала с Ю. Завадским. Русские пьесы всегда с большим успехом шли на латышской сцене. Естественно поэтому, что после освобождения Латвии от ига оккупантов все дальнейшее развитие и возвышение театра пошло по пути сближения с русским сценическим искусством, давшим миру высокие образцы непревзойденного мастерства.

Вместе с тем широким потоком пошли пьесы национального репертуара, показывавшие борьбу латышского народа за становление новой жизни. В. Лацис, А. Григулис, Э. Залите, А. Броделе и вместе с ними Н. Погодин, Б. Ромашов, А. Корнейчук, А. Арбузов своими произведениями определили тот репертуар, который привлек к театру зрителей, жаждущих увидеть на сцене подлинную жизнь — не «гладь озер зеркальных», а ту, которая кипит и бурлит вокруг.

...Спектакль начался. Зал полон. Уже по тому, с каким напряженным вниманием ожидали этого момента зрители, можно судить, что театр любим и дорог народу. Идет пьеса «Цеплис» по известному роману П. Розита.

Если вы хотите знать, как жила буржуазная Латвия, являвшаяся передней капиталистической Европы, посмотрите «Цеплис». Главную роль играет Я. Осис — актер в высшей степени талантливый. Цеплис в его исполнении — это не стандартный капиталистический делец-хищник. Это, если хотите, человек, не лишенный внешнего обаяния. Но в том-то и сила образа, созданного Осисом, что его Цеплис под маской благодушия несет в себе все признаки духовного и морального обнищания.

«Земля зеленая» А. Упита. Анна — народная артистка ЛССР Эмма Эзеринь.

Ради наживы он готов пожертвовать всем, чем угодно, затоптать в грязь тысячи людей, пустить по миру, раздеть догола тех, кто слабей его. «Человек — человеку волк» — таков мир в представлении Цеплиса. Он волк, а вокруг него стая более мелких хищников, пользующихся крохами с его стола, но готовых, если только Цеплис пошатнется, самого его разорвать в клочья.

В этом смрадном болоте Цеплис чувствует себя королем, но он калиф на час, он боится расплаты, тонким нюхом хищника чувствуя приближение опасности.

— Можешь ли ты увезти меня

«Дни портных в Силмачах» Р. Блаумана. Бебене, бобылка, — народная артистка ЛССР Мирдза Шмитхен.

отсюда? — спрашивает он своего шофера.

— Куда?

— Совсем, за границу.

— Да ведь и там народ, хозяин, — отвечает шофер.

Деваться некуда! Круг все суживается, час возмездия приближается.

Я. Осис играет ведущую роль в спектакле, но уж такова слаженность отличного коллектива Государственного академического театра драмы, что рядом с героем пьесы не видишь слабых актеров: любая эпизодическая роль сделана мастерски. Да и сколько здесь первоклассных исполнителей, выросших за последнее время, набравшихся опыта у старшего поколения, дружно и уверенно работающих вместе с ним!

Я. Осис в театре с 1919 года. Диапазон его творчества богат и разнообразен. Превосходный Цеплис, он вместе с тем отличный Фамусов. Сегодня он Лыняев в «Волках и овцах», а завтра — Антон Пацеплис в спектакле «К новому берегу», Иван Коломийцев в горьковских «Последних», Лопес в пьесе Флетчера «Испанский священник». Когда видишь на сцене Осиса, не можешь не восхищаться его яркой реалистической игрой, глубоким воплощением образа, той силой таланта, которая превращает спектакль из произведения искусства в кусок самой жизни.

«Дни портных в Силмачах» — старинная и очень популярная комедия Р. Блаумана была недавно заново поставлена А. Амтманом-Бриедитом. Пьеса прочтена по-новому и прозвучала по-новому со сцены Академического театра драмы. Откинув в сторону традиционные представления об этой пьесе как произведении лёгком и развлекательном, режиссура и актеры открыли в ней новые идейные и художественные достоинства. И вот уже два года идет этот спектакль, и каждый раз с аншлагом.

Так, набравшись творческих сил, театр «омолаживает» старое, утверждает новое, вбирает в себя все ценное, что дает ему современная латвийская драматургия, любовно осваивает лучшие образцы русской, советской и классической драматургии.

«К новому берегу», «На дне», «Кремлевские куранты», «Земля зеленая», «Бесприданница», «Таня», «Дон Карлос», «Канун грозы», «Трактирщица» — репертуар театра широк, просторен, дает возможность актерам и всему коллективу расти и множить успехи.

Театр, рожденный в буре гражданской войны, у колыбели которого стояли Ян Райнис и Андрей Упит, театр, связавший свою судьбу с социалистической революцией, с жизнью своего народа, питающийся животворными связями с великим русским искусством, стоит на верном и добром пути.

Государственный академический театр драмы в числе других театров республики приедет в столицу на декаду латвийского искусства. Москва получит возможность порадоваться искусству латышских драматических актеров, чье мастерство высоко и человечно, мужественно и прекрасно, как мужественно и прекрасно сердце народа, создавшего этот театр.

Рига.

Кристо Хегедушич. Фрагмент картины «КРЕСТЬЯНСКАЯ ВОЙНА — БИТВА ПРИ ДОНЬЯ СТУБИЦА 1573 г.».

Приходит осень

Душан КОСТИЧ

Снова осень, снова радость повторилась...
Только хочется безумно, только надо,
Чтобы эти мутные потоки
Землю пощадили.

Красками планета расцветилась,
Желтым океаном листопада,
И ветра дыханием жестоким
Над долиной взмыли.

Снова осень, снова радость повторилась...
Только бы не слякоть и не злые
Эти ливни...

Дружные бригады землю роют
(Что они под хмурым небом строят?),
Вижу — новые дороги слились
Лентой непрерывной...

Как люблю я солнца свет осенний,
И плоды трудов, и дни свершений!
Поезда всю ночь летят в просторы,
В шахтах наших трудятся шахтеры —
За вагонами идут вагоны...

Осени моей я шлю привет!
Только бы не ливень неустанный
Только б освещал большие краны
Солнца электрического свет!

Ой, дожди, осенние дожди!..
Пусть растут, растут дома до крыши,
К небу поднимаются повыше —
Столько будет счастья впереди!..

Снова осень, снова радость повторилась...

Перевел с сербского
М. СВЕТЛОВ.

Петар Добрович. **(1890—1942).** ПЕЙЗАЖ.

Милан Коньович. ЖИТО.

Картины югославских художников напечатаны с клише журнала «Югославия».

ВЕДЬМА

Рассказ

Н. ГРИБАЧЕВ

Рисунки Г. ХРАПАКА.

В саду возле аптеки, за столиком, ножки которого врыты прямо в землю, пьют боржом московский адвокат Макаров, приехавший в отпуск на родину, и его сверстник и давний приятель, доктор сельской больницы Дятлов. Солнце приближается к полудню, синеватый зной все больше заволакивает поля и рощи, заполняет лога и овраги на всем видимом пространстве. Над клином овса за конопляником вскидывается жаворонок, позвенит немного и, словно не выдержав духоты, камнем падает вниз. По дороге за оградой порой прошумит грузовик, протащит облако горячей пыли, разгонит кур и на время затихнет у колхозного двора. В общем же на селе душно и тихо: взрослые в поле, ребятишки убежали в луга и на речку. Самым разумным для доктора и адвоката было бы последовать их примеру, но они спорят... Спорят они всегда, когда встречаются,— с детских лет и обо всем на свете. Сейчас доктор доказывает адвокату, что существующая законность, как бы она ни была совершенна, в некоторых случаях все же не в состоянии защитить человека от подловатых и, в сущности, беззаконных действий его ближнего.

— Поехал! — иронизирует адвокат.— Загремел словесами... Да ведь это все равно, что утверждать, будто в организме человека есть места, недоступные ножу хирурга. А таких мест, насколько я знаю, нету, по крайней мере для современной медицины...

— Есть!

— Очевидно, по вашему сельскому масштабу... Но вообще-то...

— Вообще есть!

— Ну уж и не знаю! — не сдается адвокат.— В мозгу копаются, как ложкой в каше, в глаз проникают, сердце сшивают...

— Душа! — выпаливает доктор.— Душа, и нет туда ни вам, ни нам свободного хода... Поди-ка раскуси, что он, человек-то, в самом себе носит! Зная его жизнь, минута за минутой, зная устройство и функции каждой клетки, невозможно предугадать, что он сделает или скажет в следующую минуту... А у иного ближнего она, душа-то, не то чтобы темный лес, а прямо чаща дремучая, совы в ней кричат и этакие, знаешь ли, болотца хлюпают...

— Не пугай средь бела дня! — смеется адвокат.— Не страшно... Я по своей работе всякого насмотрелся и наслушался. Прошлое иногда в людях работает, живого мертвый пытается хватать...

— А всего не постиг!

— Не знаю... Без примера спор этот пустой... Зачем сеять воду через сито? Вода все равно будет...

— Найдется и пример,— обещается доктор.— Вот повремени малость — и найдется...

Доктор направляется на обход больных, а Макаров — домой, полежать и подремать... Просыпается он оттого, что на крыльце разговаривают. Солнце уже сползло за вершины большого колхозного сада напротив, и на пыльной дороге лежит покрывало, сотканное из желтых и серых пятен; колышутся ветки, колышется, движется и покрывало на дороге. Шелестит листва в палисаднике, жужжат пчелы, и сквозь этот шелест и жужжание прорезаются два голоса: тихий, примиряющий — матери Макарова — и басовито окающий, возбужденный, как будто странно и давно знакомый. Макаров некоторое время вспоминает и наконец узнает голос Черноярова, их бывшего соседа, мрачноватого на вид мужика, который часто без толку кричал на своих чумазых и вечно оборванных ребятишек, кричал и любил их трогательной любовью.

Когда они стали учиться, он вечерами поочередно заставлял их вслух читать книжки и молча плакал, если в романах хороший человек бывал обижен плохим или терпел бедствие. Самое интересное из книг он потом пересказывал на завалинке мужикам, но уже так, словно сам был знаком и с Тарасом Бульбой и с Катюшей Масловой. «Заходим мы на усадьбу,— импровизировал он,— хотим сказать барину, что буря лес поваляла, так не продаст ли он нам дровец по дешевке, а он, Обломов-то, спит... Утром заходим — спит, днем заходим — спит опять же!»

Для того, чтобы рассказы выглядели правдоподобно, приходилось Черноярову выдумывать небылицы о каких-то своих поездках на Украину, в ближние и дальние города и села. И — странное дело — мужики, с которыми он всю жизнь прожил бок о бок, не насмехались и не укоряли его за это буйство фантазии и охотно слушали его диковинные повествования. Из-за этой чувствительности и способности увлекаться всякими выдумками хозяин из Черноярова получился неважный: все, что он ни затевал — а чего он только не затевал! — шло, как говорится, наперекос и крест-накрест, ни одна затея до конца не доводилась. К тому же сама природа, казалось, находилась в состоянии постоянной вражды и войны с ним: молния поджигала его ригу, когда туда уже был свезен хлеб нового урожая, буря опрокидывала стога сена в овраг, на краю которого он жил, весной обваливалась половина двора... Одним из самых первых вступил он в колхоз, и через неделю кулаки подожгли его хату — не потому, что он был самым активным, а потому, что хата стояла на отшибе, собак во дворе не было и поджигать ее было всего удобнее и безопаснее...

— Спит, говоришь? — гудит на крыльце Чернояров.

— Спит... Сам посуди, отдохнуть человек приехал, в городе-то, небось, намаялся...

— Разбуди.

— Жалко, Афанасьевич... Будешь голову морочить своей заварухой!

— Буду,— не отрицает Чернояров.— Мне доктор объяснил, что Степан твой все законы насквозь знает... С тобой бы посоветовался, если б толк был, да что мы с тобой? О себе самих настоящего понятия не имеем, в пятьдесят лет расписываться учились... Разбуди, говорю!

Адвокат выходит сам. Чернояров сидит на лавке крыльца, поставив между колен суковатую палку. Адвокат знает, что ему уже за семьдесят и по возрасту его вполне можно назвать стариком, но это как-то не идет к нему: он высок и жилист, волосы его черны, и в черных же, глубоко посаженных глазах поблескивают беспокойные огоньки. Усы и борода бриты, лицо слегка скуластое и темное, словно вырезанное из старой груши, одет в дешевый, но опрятный серый костюм, на ногах грубые рыжие башмаки на толстой подошве. Они велики и тяжелы, поблескивают медными крючками и зашнурованы не шнурками, а ремешками — башмаки на богатырскую ногу!

— Заматерел и ты, Петрович,— здороваясь, басит Чернояров.— Встретил бы где, под присягой не признал бы!.. А мои трое на войне остались: и Колька, и Серега, и Мишка...

«По крайней мере, прямодушен, с жалобы начинает,— думает адвокат, вспоминая при этом, как однажды, давным-давно, отхлестал его Чернояров вожжами в малиннике.— Пенсию, наверное, бюрократы какие-нибудь зажимают, а в колхозе тоже работник не ахти. Зарядный случай волокиты и невнимания к человеку...» Он смотрит выжидательно на Черноярова, и тот, выдержав для приличия паузу, продолжает:

— Прошу извинить, что помешал отдохнуть... Однако же положение у меня такое, что погибаю и спасения ниоткуда нету.

— А правление колхоза что же? — спрашивает адвокат, уверенный, что сразу разгадал суть дела.

— Что правление? — недоумевает Чернояров.

— Ну, работу по силам дать, обеспечение, как по закону о престарелых положено. Прокурорский надзор, надеюсь, у вас есть...

— Я не престарелый! — с оттенком обиды поправляет Чернояров, выпрямляясь на лавке.— Я пожилой... Правление же тут ни при чем, меня ставили инспектором по качеству. Сил тех, конечно, нет, молодежь тоже слушается не всегда, наперекор ставить любит, но с должностью справлялся...

— Трудодень мал, что ли?

— И трудодень оформляется тоже... Да я и так обеспеченный: мой четвертый сын, Дмитрий,— ты его и знаешь мало,— он теперь полковник и денег присылает в достатке... Сроду у меня таких денег и не бывало!.. Одетый хожу, сытый, домишко свой поставил... Но при всем том погибаю!

— Так в чем же дело?

Чернояров придвигает лавку, наклоняется к адвокату и совсем тихо, словно с опаской, произносит:

— Ведьма!

— Ведьма?

— Именно что... От нее и жизни решаюсь.

— Чудеса! — смеется адвокат.— Сколько я прожил в нашем селе и сколько по свету ходил, не видел ни разу...

— Не встречал прежде и я,— говорит Чернояров.— Болтать болтали, а не встречал. Теперь же завелась!

— Кто ж это?

— Старуха моя...

И Чернояров, вздыхая, со всеми подробностями рассказывает, как остался он после войны один-одинешенек: первая жена погибла в толпе, которую обстреляли самолеты под Брянском, трое сыновей были убиты на войне, а о четвертом не было вестей, хату подожгли каратели, подозревая, что он держит связь с партизанами. После войны поселился он у соседей, работал в колхозе, по ночам караулил копны в поле, потому что даже в эту трудную пору, когда в иной семье нечем было детей накормить, находились жулики и мерзавцы, которые не прочь были погреть руки на чужом добре. В сорок девятом году колхоз, оправившийся от прорех в хозяйстве, помог ему построить домик, тогда же нашелся и стал посылать деньги сын Дмитрий. Поселился Чернояров в новой хате, обрел достаток, а жить стало чуть ли не хуже: обед сварить, постирать некому, в длинные осенние ночи, когда по окнам хлюпает дождь и в плетнях свистит ветер, в пустом доме, как в гробу... Мысли в голову лезут нехорошие, сумрачные... Тогда-то и порешил он жениться на пятидесятипятилетней женщине, в то время одинокой. Первые года полтора они еще кое-как ладили, а затем начались ссоры. Приехал из города и поселился рядом сын старухи, но легче не стало: теперь дым коромыслом стоит и у Черноярова и у сына, служащего кооперации,— злая баба успевает наводить смуту на два дома.

— Для чего же вам ссориться? — недоумевает адвокат.— Сыты, одеты, в тепле... И добро б еще молодые были, а то кровь уж и постыла-то!

— То-то и оно... Я же говорю — ведьма.

— На метле она летает, что ли? Ну и пусть себе! Может, рекорд какой зарегистрирует...

— Эй, Степан Петрович, какие тут шутки! Никуда она не летает, а просто выродок и обломок... Потому и ведьмой называю, что другого слова не подберу.

— Что ж она все-таки делает? — недоумевает адвокат.

— Да все что угодно... К примеру, не хватает у меня в приусадебном участке сотки до нормы — так уж получилось. Ну что такое для меня сотка? Тьфу — и больше ничего!.. Так она с правлением колхоза судиться вздумала! Людям смех и потеха, а я недели две из хаты от сраму не выходил... Участки наши с соседом плетнем не разгорожены. И что же она, злодейка, удумала? На самой меже тыквы насадила видимо-невидимо; семечки, известно, копейки стоят... И полезла эта тыква к соседу в огурцы и картошку, как нечистая сила, цветет там и размножается: у нее, у тыквы, разумения нет, ей все равно... Осенью же моя старуха соседа и обвиняет, что он плети тыквенные-то к себе перетаскивает и тыкву снимает. Судом и прокурором грозила! Соседка со мной и кланяться перестала, сосед хоть и сочувствует, но в душе тоже, наверное, сомнение имеет, потому что ведьма эта, старуха-то,— мне жена, половина, как говорят... С работы в колхозе опять-таки меня сняла... Сама сняла! Трудодень маловат был прежде, так она пилит и пилит, что я больше одежки рву, чем зарабатываю. Есть, бывало, спокойно не даст, переточила душу и заставила в огороде копаться и хату караулить... И ковыряюсь я с этой проклятой морковкой, елозию на коленках вокруг редиски, как червяк, как гусеница какая... А зайдите в хату, поглядите, что делается! Погода стоит — благодать, а она окна наглухо затворила и шторами занавесила, чтобы от солнца и пыли вещи не портились. Сумрачно и душно, как в бане. Сидишь и сам себе не веришь, что речка неподалеку течет, луга — не охватишь глазом, в перелесочках птахи поют... А теперь велосипед купила и ездит на нем!

— Это в шестьдесят-то с лишним лет?

— В шестьдесят с лишним... Ничего, хоть и не шибко, а крутит! На велосипеды у нас в колхозе мода, нынче многие покупают: и молодые, бригадиры, чтобы в поле ездить, и которые рыбачить любят... Ну, моя-то злодейка своей физкультурой занимается: морковки два пучка, огурчиков прихватит, яичек — и на базар... Иные женщины, которые в колхозе работают, тоже попросят: продай, Власьевна! Продает. Отчего не продать? И копейки взимает, известно... Все же, что выручит, на сберегательную книжку кладет. Подпись с трудом ставит, но книжку завела. Деньги любит до умопомрачения, за гривенник в омут кинется — знать будет, что утопнет, но кинется. В бога верит, а попроси бог кружку воды в жаркий день — она ему подаст, а двугривенный сдерет! Сын у нее холостой, по соседству живет и в магазине работает, и грызет она его, как волчица, что пользоваться не умеет... Получает с него добровольно, что по закону полагается, но стирать белье на сторону запретила — сама стирает за плату... «Старая ты,— говорю ей однажды,— буржуйка ты, а ума в тебе и на пятиалтынный не наберется... Вот накопишь ты, наскребешь правдами-неправдами капиталу тысяч двадцать или четвертную, а потом — бац! — грузовик-то тебя и переедет вместе с велосипедом. А наследство кому достанется? Нам с Пашкой, сыном твоим!.. Снесем мы тебя, куда следует, прикопаем, как положено, и устроим загул на все село... Все пропьем и на ветер пустим! Все зеленым дымом изойдет!.. Я плясать пойду прямо посреди улицы. Двадцать или больше лет не плясал, а тут пойду: пусть люди видят, что человек я хороший, компанейский, а только угнетенный был... Или на молодой женюсь, ей-богу! Умная не пойдет, умная себя ценит и человека ищет по себе, а дура очень свободно на деньгу позарится...»

Говорю ей так, шучу, значит, а она мне шварк на колени миску горячих щей, только что из печки... И не ругается, нет — смеется дьяволица: «Прости,— говорит,— из рук вывернулось: заслушалась, как ты хорошо говорил!» Вот у нее какой характер! Главное же, никаких людей терпеть не может, во всякого, кто ни пройди, как в собаку палкой, дрянным словом бросит — тихо так, спокойно, без всякого крику, но бросит. Все кругом у нее жулики и воры, вся разница, что одни пойманные, а другие нет... Из-за нее ко мне даже приятели-старики перестали заглядывать, к себе тоже никто не зовет: противно им, как я понимаю... Один остаюсь на земле, Степан Петрович, живой среди живых, а словом ни с кем не перемолвиться и по душам не потолковать, словно уже в могиле черви изгрызли...

Адвокат слушает рассказ Черноярова, чувствуя, что в нем самом поднимается ожесточение против старухи. Ему жалко этого сильного, немного безалаберного, но доброй души человека, затравленного хитрой и жадной бабой.

— Да разведитесь вы с ней, Афанасий Афанасьевич! — сгоряча советует он.— Выставьте ее к чертовой бабушке — и все...

— А дом? — спрашивает Чернояров.

— Что дом?

— Дом-то я ставил, мое добро?!

— Ну и что?

— А то, что дом, участок, имущество — все совместное по закону. Куда же мне на старости лет идти? А она тоже не тронется, понимает свои права... И жалко мне, митины деньги вложены в это дело. Вот и выходит, что завязаны мы одним узелком крепко-накрепко.

— Тогда к сыну поезжайте. Возьмет он?

— Сын-то возьмет, отчего не взять?! Приезжал он, насмотрелся на нашу жизнь и тоже советовал: бросай все, и поедем... Ну, а что я там у него делать буду — сидеть сложа руки? К тому же он человек молодой и военный, у него переезды, мне же не по годам это... Опять-таки тут у меня старики есть, с которыми вместе еще в хороводы бегал, встретиться можно, вспомнянуть... Или новые люди, помоложе — на моих глазах росли,— так мне и любопытно, как у них жизнь развивается. Там же, у сына, что я такое буду? Батька Митрия из колхоза — и больше ничего... Тут я сам по себе, а там — с боку припека. Да и старуха грозит: посмей, говорит, только куда тронуться, я над тобой такое учиню, что тебе и во сне не приснится. И учинит! Ей, тихонькой ведьме, по прошлым временам бандой командовать, на Супоневском логу проезжих грабить... Боюсь я ее... Боюсь и боюсь!

— Ну, в милицию заявите, прокурору: грозит, мол...

— Советовался... И старуха знает, что советовался. Но мне сказали, что закона она не нарушает: торгует своим, это не запрещается, за посулы же не привлекают: мало чего люди друг другу в горячке не наговорят!

Адвокат морщится и трет лоб, словно его обволакивает липкая паутина. «Вот тебе и душа,— раздраженно думает он.— Здорово подсунул доктор все это, знал, чертов эскулап, что делает!»

На улице все еще весело светит солнце, покачивается на пыльной дороге покрывало из желтых и серых пятен, накатываются с поля могучие запахи трав и нагретой земли, а на душе скверно. Ему приходит на память, что порой и он в раздражении неоправданно плохо отзывался о знакомых и сослуживцах, был не прочь послушать дрянную сплетню, брюзжал и, случалось, жадничал. Неужели и он чем-то похож на эту бессмысленно скупую и злую старуху, которую Чернояров упрямо называет ведьмой? Неужели в нем сидят эти проклятые пережитки прошлого, когда из-за денег отравляли жизнь близким и родным, шли на преступление и клеветали на весь род человеческий только для того, чтобы его пороками оправдать собственные подлости? Нет, конечно, он воспитан советской властью, иначе смотрит на вещи. Но в то же время во скольких еще, наверное, сидит по частям эта чертова старуха?!

— Вы бы вот что,— уже с меньшей уверенностью советует адвокат,— вы бы, Афанасий Афанасьевич, собрались с этим Пашкой, или как там его, со старухиным сыном, словом, и побеседовали, разъяснили бы, усовестили... Или, в крайнем случае, пригрозили бы, проучили бы как-нибудь по-семейному. А?

Чернояров опускает голову и сосредоточенно смотрит на носки своих рыжих башмаков, словно впервые догадываясь, что ничего путного ожидать не приходится и что ему здесь не помогут. Так уже сидел он у прокурора, у председателя колхоза. Все сочувствовали ему и поругивали старуху, но, хотя она грабила его жизнь, превращала ее в одиночное заключение в четырех душных стенах с закрытыми наглухо и занавешенными окнами, поделать нельзя было ничего. Только собственная воля могла помочь ему, но сильной воли у него не было. К тому же старуха была хитрее его: она никогда не выходила из себя, не давала вовлечь себя в перебранку, и это с самого начала обеспечивало ей победу...

— Что ее, ведьму-то, учить? — вздыхает он.— Слова всякие для нее — так, шелуха... А пристращать ее нельзя, не боится она никакого страху!

— Тогда уж и не знаю что,— разводит руками адвокат.

За свою долгую практику он и в самом деле видел многое, но, оказывается, жизнь еще и его может удивлять неожиданностями и ставить в тупик.

— Понимаю... Радио вот у нас провели, мудреная штука, но я его, радио-то, постигаю, объяснили — и постигаю... А старуху не постигаю!.. Думал, ты, Степан Петрович, человек ученый, совет подашь, а выходит, тоже не достиг ты...

Адвокат молчит.

— Значит, терпеть? — спрашивает Чернояров, вставая.— А за что?..

В этот момент на крыльце появляется старуха. Одетая в просторное коричневое платье и повязанная темным платком, расплывшаяся и все еще для своих лет моложавая, она складывает на груди темные руки с толстыми потрескавшимися пальцами и смотрит на адвоката злыми глазками, такими выцветшими и прозрачными, словно сквозь ее лицо просвечивают два маленьких кусочка дымного июльского неба. Степенно поздоровавшись, она говорит тихим, даже добрым голосом:

— Пошли, Афанасий... Нечего тебе людям мешать, слава богу, свой дом имеется...

Чернояров смотрит на адвоката с последней надеждой, но тот отворачивается, предчувствуя, что может разразиться скандал, в котором он будет посрамлен. И тогда Чернояров, пропустив вперед старуху и поклонившись, уходит. Он идет, ссутулившись и нехотя волоча по пыли рыжие, на толстой подошве, богатырские башмаки, зашнурованные ремешками, тащится, как человек, потерявший еще одну надежду. А перед ним мелкими шажками, слегка покачиваясь, семенит старуха в легких спортивных тапочках на белой подошве. И адвокат думает о том, что может произойти, если как-нибудь нечаянно на эти тапочки наступит своим огромным рыжим башмаком Афанасий Чернояров...

Черное море

Иван РЯДЧЕНКО

Встреча с потемкинцами

Над нашим парком дует свежий
бриз.
Стучат на летней сцене каблуки.
В президиум, на свет, из-за кулис
в смущении выходят старики.
Приглохли командорские басы.
Полсотни лет — как берег
за кормой.
Лихие, в прошлом черные усы
опущены, белеют сединой.

Вал океанский ходит по рядам.
Своих отцов приветствуют сыны.
Подходят пионеры к старикам
цветы вручить
от имени страны.
Лежит раздольно моря бирюза.
Зов корабельный слышен вдалеке.
Впервые, может, потекла слеза
у старого матроса по щеке.
Он держит в темных, жилистых
руках
букет, взращенный на родной
земле.
И розы пламенеют, словно флаг
на грозном легендарном корабле.

Норд-ост

Лежало море Черное безбрежно,
и ветерок посвистывал небрежно
на фалинях тугих, на острых реях.
Потом стал дуть все громче, все
быстрее,
срывать верхушки гребешков
взметенных,
вздымать громады волн
десятитонных.
Железным скрипом ветер
проклиная,
обшивка застонала, как больная,
весь корпус отозвался
донным звоном,
стал воздух шторма
горьким и соленым,
и в небе, потемневшем от натуги,
вершины мачт описывали дуги.

Без умолку вокруг шипела пена.
Сорвался груз на палубе
от крена.
Держась за ускользающие тросы,
по палубе рассыпались матросы
и, подавляя бунт упавших бочек,
крепили их без лишних
проволо́чек.
Дышали топки первозданным
жаром,
огонь бросали в лица кочегарам,
такая шла горячая работа,
что некогда смахнуть крупинки
пота.

А наверху, чтоб не поддаться
шквалу,
штурвальный привязал себя
к штурвалу.
И капитан с лицом невозмутимым,
попыхивая синеватым дымом,
на мостике выстаивал упорно,
да, вздрагивая от ударов шторма,
безмолвно, героически страдая,
чернявая радистка молодая,
со лба не убирая темной прядки,
в эфир ключом стучала:
«Все в порядке!»

Красавица Дуня

Хлопцы сватались к Дуне
в октябре и в июне,
но к такой не подъедешь
ни пешком,
ни на шхуне.
— Что за девка чудна́я! —
часто слышно в поселке.
— Сердце бросила, видно,
в рыбный чан
при засолке...
— В чьи пойдет она сети? —
горячатся соседи.
— Загордилась, наверно,
похвалою в газете.
И вздыхают ребята
под блесной новолунья:
эх, красавица Дуня,
ах, красавица Дуня!..
А красавица к ночи
тайно вышла на берег.
Море дико грохочет
и молчит о потерях.
Только б знать нашей Дуне
в октябре и в июне,
что Степан-капитан
возвратился на шхуне!..
И пройдет она рядом
неприступно-сурова,
не побалует взглядом
и ни слова...
Ни слова!

Капитан причалил к дому...

Капитан причалил к дому,
а жена ушла к другому.
Стены голы.
Люстры ярки.
На пол падают подарки.
Только ветер влажный, резкий
раздувает занавески.
Капитан застыл на стуле.
Вспомнил доки в Ливерпуле,
дождь в Нью-Йорке, зной
в Калькутте,
фотографию в каюте,
что висела и не знала
тайных дум оригинала
и лгала во время странствий
о любви и постоянстве...
Лишь три слова начертала:
«Ухожу. Прости. Устала».
Ждать устала. Трудно было.
Это значит: не любила.
Это значит: обманула
позапрошлым светлым летом.
Хоть с ударом не тянула.
Что ж, спасибо и на этом!
Слышишь, танго звуки льются,
и гудки друг другу вторят...
Чьи-то жены остаются.
Корабли выходят в море.

Хороший финиш

В. ВИКТОРОВ

Фото С. ФРИДЛЯНДА.

Финиш В. Куца в беге на 5 тысяч метров.

Необычно рано прозвучал в этом году первый выстрел стартера: еще в марте на ташкентском стадионе сильнейшне легкоатлеты страны взяли старт, и в течение восьми месяцев не затихала борьба на беговых дорожках, в секторах прыжков и метаний.

За это время наши спортсмены не раз встречалнсь с лучшими легкоатлетами Европы в Моснве, Варшаве, Белграде, Бухаресте, и не раз радовались мы их успехам. А финишировали легкоатлеты СССР только в ноябре в Тбнлиси; впервые за всю историю легкой атлетики в нашей стране столь поздно было проведено первенство Советского Союза.

Для этого были свои веские причины: в ноябре будущего года в Австралии состоятся XVI олимпийские игры, и сейчас все подчинено подготовке к этому большому празднику мирового спорта. Для того, чтобы быть во всеоружии к началу олимпиады, надо сохранять наивысшую боевую форму до поздней осени. Соревнования в Тбилиси явились своеобразной проверкой для спортсменов, которым предстоит поездка в Мельбурн. Способны ли онн сберечь свои силы до ноября после долгой и упорной борьбы, которой было насыщено лето? Выдержали ли напряжение небывало долгого сезона молодые легкоатлеты, которым предстоит занять места в первом ряду?

Вот какие вопросы волновали многочисленных любителей легкой атлетики, вот почему с таким интересом ждали они результатов соревнований в Тбилиси. И надо сказать, что эти результаты не могли их не порадовать. Столько нового, интересного удалось увидеть за пять дней, что и перечислить все в коротком репортаже невозможно.

В первый же день соревнованнй был показан выдающийся результат. Диск, пущенный рукой Н. Пономаревой, пролетел 56 метров 62 сантиметра. Этот бросок еще больше приблизил чемпионку XV олимпнйских игр к мнровому рекорду Н. Думбадзе, установленному на тбилисском стадионе три года назад. Теперь Пономареву отделяют от Думбадзе всего 42 сантиметра.

Это был не единственный успех первого дня. Всех поразили результаты марафонцев, закончивших свой долгий и трудный путь с новым всесоюзным достижением. Молодой бегун С. Кузнецов пробежал 42 километра 195 метров за 2 часа 21 минуту 23,8 секунды.

Так началось 36-е первенство страны по легкой атлетике, и каждый следующий день прноснл новый рекорд...

Второй день — всесоюзный рекорд О. Грнгалки в метании диска, 55 метров 50 сантиметров, и неожиданный успех молодого атлета К. Буханцева, занявшего второе призовое место.

Третий день — новый мировой рекорд Г. Зыбиной в толкании ядра. В двенадцатый раз за последнне три года улучшила Зыбина мировой рекорд. В Тбилиси ее ядро пролетело 16 метров 67 сантиметров.

Г. Зыбина устанавливает новый мировой рекорд в толкании ядра.

Ядро толкает В. Овсепян.

Четвертый день — европейский рекорд в десятиборье В. Кузнецова. Ои набрал в десяти видах легкой атлетики 7 645 очков, вплотную приблизившись к мировому рекорду американца Р. Джонсона. И опять же вместе с В. Кузнецовым на трибуну почета поднялись два молодых спортсмена — уже знакомый нам К. Буханцев и У. Палу.

Пятый день — мировое достиженне в ходьбе на 50 километров. А. Егоров прошел эту труднейшую дистанцию за 4 часа 7 минут 28,6 секунды.

Таковы особо примечательиые результаты соревиований в Тбилиси. За этими цифрами стоит иеизмеримо большее—хорошая форма наших спортсменов. И не только метателей, но и бегунов. К сожалению, недостаточно хорошо подготовленная дорожка помешала В. Куцу, А. Игнатьеву, Ю. Литуеву,

Финальный забег на 80 метров с барьерами.

М. Галактионов, занявший второе место в марафонском беге, поздравляет победителя С. Кузнецова.

З. Сафроновой, М. Иткиной, Б. Токареву и другим полностью раскрыть свои возможности.

Радостно и то, что на этих ответственных соревнованиях спортивная молодежь выдержала экзамен. Л. Лысенко дважды победила Н. Отколенко в беге на 400 и 800 метров. Мировая рекордсменка давно уже не знала поражений. Г. Долженкова в барьерном беге на 80 метров победила рекордсменку мира Г. Гринвальд и сильнейшую барьеристку страны М. Голубничую. И та же Долженкова заняла в пятиборье второе место, после А. Чудиной.

А какую сенсацию вызвал исход борьбы сильнейших толкателей ядра! Атлет из Армении В. Овсепян добился победы над чемпионом СССР О. Григалкой, показав очень высокий результат — 17 метров 12 сантиметров. Не меньшей неожиданностью была победа никому не известного перворазрядника Г. Червяка над рекордсменом страны по прыжкам в длину Л. Григорьевым. Впрочем, перечислять новые имена не так-то просто — можно смело утверждать, что не было ни одного вида легкой атлетики, в которой молодежь не вступила бы в успешное единоборство с прославленными мастерами. Так, ташкентская девушка В. Баллод, только в этом году окончившая школу, заняла второе место по прыжкам в высоту, а Н. Пудов и Е. Жуков были вторыми после В. Куца в беге на 5 и 10 тысяч метров.

Знаменательно завершился смотр легкоатлетических сил. После окончания первенства был проведен день побития рекордов, и Г. Виноградова, которая в течение всего лета упорно штурмовала мировой рекорд новозеландской спортсменки И. Уильямс, наконец добилась своего. Она прыгнула в длину 6 метров 31 сантиметр.

Прыгает Г. Виноградова.

Телевизионный центр в Свердловске

На многие километры видна возвышающаяся над городом 192-метровая телевизионная башня. По вечерам тысячи свердловчан, жители Первоуральска, Асбеста и многих других уральских городов и сел смотрят передачи нового государственного телевизионного центра, первая очередь которого вступила в строй в Свердловске в ноябре 1955 года.

Трехэтажное здание телецентра оборудовано новейшей аппаратурой. Уже полностью действуют киноаппаратная, кинопроекционная, зал передатчиков и одна из малых студий. Из телестудии передаются новые кинофильмы, а также концертные выступления артистов свердловских театров, филармонии, лучшие номера художественной самодеятельности; здесь выступают новаторы производства, деятели науки. Уральские телезрители могут также смотреть лучшие программы московских телепередач: специальные пленки уже доставлены из Москвы в Свердловск.

В будущем году закончится строительство 2-й очереди телецентра.

У пульта управления.
Фото И. Тюфякова.

Широко будут практиковаться передачи непосредственно из театров, со стадионов, из концертных залов.

А. ГРИГОРЬЕВ

26 ноября в Москве открылся Второй Всесоюзный съезд архитекторов. В приветствии участникам съезда ЦК КПСС и Совет Министров СССР призвали архитекторов и строителей покончить с кустарщиной и излишествами в проектировании и строительстве. Экономичное типовое проектирование, учет лучших достижений отечественной и зарубежной строительной практики, все более широкое применение индустриальных методов — вот что поможет советским зодчим и строителям удовлетворить требования народа — в ускоренные сроки создавать красивые здания и сооружения, отличающиеся хорошими пропорциями и удобствами планировки.

Под углом этих требований проходила вся работа съезда.

На снимке: в Колонном зале Дома Союзов. Участники съезда у стендов выставки.

Фото О. Кнорринга.

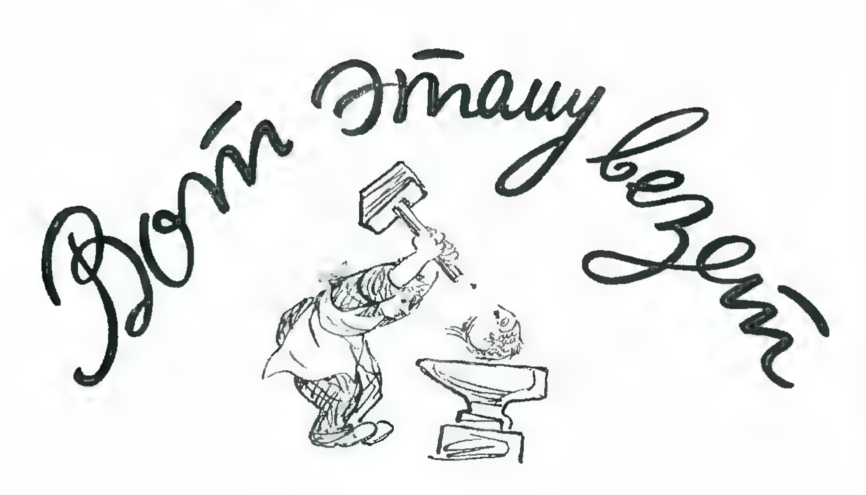
На выставке скульптуры

Большой интерес вызывает у москвичей открытая в выставочном зале Союза советских художников СССР выставка произведений дважды лауреата премии Кошута заслуженного деятеля искусств Венгерской Народной Республики скульптора Жигмонда Кишфалуди Штробля.

На снимке: в одном из залов выставки.

Фото Е. Умнова.

Рассказ

Арвид ГРИГУЛИС

Рисунки **Е. ГОРОХОВА.**

Поди узнай, что иногда принимать за счастье и что называть несчастьем!

Все началось с прекрасного солнечного заката. Ярко горел круглый диск в острых верхушках деревьев за озером и бросал свои лучи прямо в широко раскрытые двери кузницы. Когда Эйдис посмотрел в сторону дверей, ему пришлось даже зажмурить глаза. Но, поглядев в эту сторону, он, кроме яркого света, увидел еще кое-что. Это была красивая девушка, которая, размахивая слегка левой рукой, шла по тропинке неподалеку от кузницы. В правой руке у нее было несколько листков бумаги. Девушку звали Гунтой; она была продавщицей в кооперативной лавке.

Эйдис знал Гунту давно, так давно, что трудно было даже вспомнить, когда именно он увидел ее впервые. Почти столько же времени, сколько он жил на свете. Гунта бегала там внизу, мимо мельницы. С тех пор прошло больше двадцати лет. Но то, что Гунта красива, он понял только в тот час заката. Он долго смотрел вслед уходящей девушке, пока та не скрылась за ветлами у мельницы. За это время железный обод колеса так остыл, что его пришлось вновь положить на угли горна. Такая рассеянность не делала чести колхозному кузнецу.

С того часа Эйдис потерял душевный покой. Сваривал ли он какую-либо деталь или гнул подкову, мысли его вновь и вновь обращались к Гунте. Все чаще возникала у него необходимость заворачивать в кооперативную лавку. Каждый раз, когда Эйдис переходил дорогу, он бросал взгляд на лужицу, где отражалось его коричневое от загара лицо. Но вот беда: светлые волосы не лежали прилизанными, как у других, а всегда торчали кверху. Бедой было и то, что в лавке всегда находились люди, приходилось и Эйдису покупать кое-что. Однажды, когда он красный от смущения принес домой ведро из оцинкованного железа, мать всплеснула руками:

— Ой, сыночек, на одной неделе третье ведро! Что прикажешь с ними делать, на базар, что ли, везти?

— Пригодится, — проворчал в ответ Эйдис и скрылся в кузне.

Если раньше при встречах с Гунтой Эйдис перекидывался с ней двумя — тремя словами, хотя большим говоруном он никогда не был, то теперь слова застревали у него в горле, и он только смотрел на нее и вздыхал.

Однако лед постепенно ломался, и Гунта, в свою очередь, стала все чаще поглядывать на Эйдиса. Иногда по вечерам, когда, закрыв лавку, Гунта направлялась домой, она подходила к двери кузницы и спрашивала: «Что же это кует сегодня кузнец?» Однажды она даже попробовала поднять большую кувалду. Стоит ли говорить, что чувствовал при этом Эйдис!

Такое поведение Гунты понемногу придало мужества и робкому кузнецу. Как все это произошло, он бы и сам не мог рассказать, но невероятное совершилось. Однажды в субботний день он застал Гунту в лавке одну. Гунта была очень весела, дразнила Эйдиса и предложила встретиться вечером у обрыва Диких яблонь.

В ту субботу молоты звучали в кузне громче обычного. Если бы кому-нибудь было под силу истолковать их речь, то он услышал бы слова:

«Любовь! Любовь! Любовь!»

Иногда солнце садится очень быстро, но подчас мешкает, как старуха. В тот вечер оно совсем не собиралось заходить. Казалось, что кто-то привязал его веревкой или пригвоздил к одному месту. Наконец оно все же сжалилось и кое-как перевалило через озеро. Тогда и Эйдис в последний раз ударил по наковальне и пошел умываться.

По краю озера вилась утоптанная тропинка. Сколько раз Эйдис исходил ее, направляясь на рыбалку! Однако в этот раз твердая глина гудела как-то по-особому. Наверно, знала, что идет влюбленный человек. Ведь был же Эйдис влюбленным, иначе сердце не билось бы так гулко.

Если кто-нибудь когда-нибудь желал, чтобы с земли сгинуло все живое, то в этот вечер таким человеком был Эйдис. Хотя бы исчезли люди на то время, пока он пройдет от кузницы до обрыва Диких яблонь. Но желания не всегда исполняются. По крайней мере телятник Кирсис никуда не пропал, но, как само горе-злосчастье, приплелся на прибрежное поле косить вику. И именно Кирсис! Во всем колхозе не было старикашки хитрее его. Он уж обязательно все увидит, узнает,

куда Эйдис, такой умытый и приодетый, направляется в этот субботний вечер. Душа у Эйдиса ушла в пятки, сердце — в каблуки, и ступать он стал неуверенно. Ну как же, конечно, заметил!

Кирсис прекратил работу. Перевернул косу и, уперев косовище в землю, встал, словно памятник, поджидая приближения парня.

— Куда, кузнец, собрался? — Эйдис остановился. — Опять на рыбалку?

Это было спасением. Наверно, ничего не заметил, хотя в голосе Кирсиса послышался еле приметный смешок.

— На рыбалку, на рыбалку! Надо попытаться поймать у обрыва Диких яблонь какого-нибудь окунька. При закате хорошо клюет.

— На донные?

— На донные, на донные!

Эйдис уже подумал, что счастливо миновал телятчика, но ошибся. Тот и не думал продолжать косьбу и направился к берегу.

— А это верно, что ты в Риге купил для донок маленькие бубенчики?

— Верно.

— А ну, покажи! — Кирсис с косой уже стоял на тропинке. — Да, но где же они у тебя спрятаны?

Этого еще не хватало! Рыболов идет на рыбалку без удочек! Теперь Кирсису все станет ясно.

Чтобы спасти то, что еще можно было спасти, Эйдис ударил ладонью по лбу:

— Ну и баранья башка! Вот уж именно: поспешишь — людей насмешишь.

— Ну, тогда вали за ними! Я ведь еще побуду здесь немного.

Эйдису ничего другого не оставалось, как повернуться и спешно податься домой за донными удочками и бубенчиками. Сердце кипело от злости, но ничего не поделаешь.

Бубенчики, наверное, и впрямь интересовали Кирсиса. Когда Эйдис, сунув подмышки все свои десять донных удочек, спешно вернулся назад, Кирсис уже перестал косить.

Он брал в руки то один, то другой бубенец, позванивал, приставлял к уху и прислушивался к серебристым звукам.

— Ишь, что придумали! Изобретают атомы, изобретают всякие машины для кукурузы, и еще остается время изобретать вот такие пустячки... Агент по заготовкам рассказывал, что теперь и спиннинг уже отживает свой век. Вместо него будет что-то вроде пистолета. Бац — и прямо бросил блесну в нос щуке. И забрасывать не будет больше надобности. Так и с этими звоночками. Почитывай себе газету, будто ты сидишь в своей конторе, и жди, когда окунь позвонит по телефону.

Наконец-то Кирсис нагляделся на диковинку. Назвонившись вдосталь, он отдал бубенцы Эйдису и сказал:

— Придется и мне завтра по случаю воскресенья сходить на озеро и поискать какую-нибудь рыбку.

Теперь и Эйдис больше не мешкал и, собрав свои рыболовные принадлежности, быстро зашагал вперед. В конце концов все обернулось к лучшему. Старик, наверно, ничего не заметил.

За обрывом Диких яблонь установилась слава одного из красивейших мест в этих краях. Круча подходила к глубокому омуту. Четыре дикие яблони сгибали свои ветви до самого водного зеркала. Весной они мокли в водах паводка. И действительно, это место было облюбовано окунями. Об этом знал каждый житель округи.

Когда Эйдис подошел к обрыву, он облегченно вздохнул. Гунты еще не было. Он постоял у одной яблони, у другой, поглядел в омут и заметил в темной воде как бы тень от рыбы. В нем проснулся заядлый рыбак. Может, в самом деле попробовать, пока еще нет Гунты? Он ведь ни разу

еще не удил с бубенчиками. Как привез из Риги, так и лежали они в ящике стола в кузнице. Все некогда было.

Эйдис осмотрелся, не видать ли Гунты. Нет, ее не было. Гунта сказала: «К вечерней заре». А солнце лишь чуть-чуть коснулось верхушек деревьев за озером. По всей вероятности, он немного поспешил. Лучше раньше, чем позже.

Эйдис немного повременил, затем не спеша начал разматывать лески. Чтобы все было по-настоящему, он прихватил с собой даже баночку с червями. Хорошо, что Индулис накопал их.

Без всякой спешки кузнец забросил одну за другой все лески. Удилища воткнул в землю, а к концам их подвязал по бубенчику. Наконец все приготовления были закончены, а Гунты все не было. Он уселся у своих удилищ и стал ждать. Примерно около того места, где косил Кирсис, скрипел дергач. Кое-где из глади вод в погоне за рыбкой взметывалась щука. Внизу у мельницы кто-то гонял гусей. Их гоготание далеко разносилось по тихому вечернему воздуху. Мир был прекрасен.

Вдруг слегка прозвенел звоночек. Ну, конечно, один уже подошел! Затем звоночек прозвучал резко, и конец удилища согнулся. Рыболов потянул, и на траве уже подпрыгивал окунь — так около ста пятидесяти—двухсот граммов. «Для начала хорошо!».

— Добрый вечер! — вдруг раздался за спиною мелодичный голос, и кузнец вскочил на ноги.

Ох, до чего же она была красива! С головы назад свешивался пестрый платочек. На точеных ногах белые парусиновые туфельки. А глаза!.. Темносиние, как лучшая сталь! На лице девушки была приветливая улыбка.

Эйдис шагнул навстречу Гунте и хотел протянуть ей руку, но вдруг увидел, что в руке был — пропади он пропадом! — только что вытащенный окунь. Он бросил рыбу на траву, но первый миг встречи был испорчен. Второй раз протянуть руку он не решался. Они оба в нерешительности стояли под дикой яблоней.

— Как хорошо, что ты пришла, Гунта!

— Почему бы мне не придти, Эйдис! — Голос Гунты тоже звучал не совсем смело, но тепло.

— Да, почему бы тебе не придти, Гунта?

Она чуть повернулась на левом каблуке и тихо засмеялась. Пальцы ее теребили и ощипывали веточку дикой яблони.

— Какой сегодня прекрасный вечер! — промолвил Эйдис.

Гунта засмеялась. Затем схватила его руку.

— Ведь я ни разу не каталась на твоей новой лодке. Мы могли бы нарвать кувшинок.

— Да, мы могли бы это сделать.

Тут резко прозвенел звоночек. Совершенно бессознательно Эйдис отпустил руку Гунты и сделал несколько шагов вниз по обрыву. Опомнившись, он виновато посмотрел на девушку. Она не сдвинулась с места и все еще продолжала пощипывать веточку.

А звоночек звенел, как бешеный.

Эйдис посмотрел на омут, потом на Гунту, снова на воду и опять на Гунту.

Бубенчик продолжал звонить.

— Я сейчас, Гунта! — решительно сказал Эйдис и бросился вниз. Действительно, в этом окуне было не меньше двухсот пятидесяти граммов. Когда рыба была снята с крючка и леска снова погружена на дно, кузнец хотел вернуться к Гунте. Но тут снова звонок. А там зазвонила вторая донка, третья... Что-то неслыханное! Успевай только вытаскивать! И рыболов работал, как говорят, в поте лица своего. Окунь за окунем вылетал из омута. На траве собралась изрядная кучка рыбы. Хорошо еще, что на склоне была небольшая впадинка, иначе некоторые рыбы добрались бы до воды. Оркестр бубенчиков продолжал звенеть довольно долго. Когда наконец наступил некоторый перерыв, Эйдис радостно воскликнул:

— Вот видишь, Гунта, как нам везет!

Но куда же девалась девушка? Только темные стволы диких яблонь маячили на фоне прозрачного вечернего неба.

Эйдис бросил удочку на землю и в несколько прыжков взобрался на берег.

— Гунта!

Вон она там, на изрядном расстоянии. Голова ее склонена низко-низко.

— Гунта! — звал Эйдис.

Голова девушки опустилась еще ниже, и Гунта побежала. Вдали мелькали коричневые от загара ноги и парусиновые туфельки. Пестрый платочек цвел маком. Листочки мака опали, и девушка исчезла за зеленым заливчиком. Не крикнула ли ему Гунта что-то в ответ? Или только так показалось:

— Оставайся, оставайся со своими рыбами... Тебя... только они...

Эйдис тяжело прислонился к стволу дерева. Весь мир в одно мгновение утонул в пучине. Так бережно ковавшееся счастье превратилось в прах. На глазах его навернулись слезы.

— Проклятые окуни! Проклятые окуни!..

Но проклятые окуни в тот вечер действительно будто помешались. Теперь уже звонили все бубенцы одновременно.

Эйдис долго стоял у дерева. Потом спустился вниз и продолжал удить. Что ему еще оставалось делать? На сердце лежал камень, во рту горчило. Солнце уже зашло. Светлая летняя ночь распростерлась над уснувшей землей. Грустный, одинокий, рыболов сидел на круче и угрюмо смотрел на воду.

Наконец и он подался домой. В одной руке донные удочки, в другой три ольховых прута с нанизанными на них большими, прекрасными окунями.

Кирсису тоже некуда было идти. Он еще сидел на краю поля на камне и сосал трубку. Старик был погружен в музыку тихих звуков и шумов летней ночи и совсем не заметил Эйдиса. Только тогда, когда тот с низко опущенной головой миновал его, Кирсис посмотрел на Эйдиса. Увидев большие связки окуней, он промолвил:

— Вот этому везет!..

Авторизованный перевод с латышского Яна Шумана.

Как растет дуб

Знаете ли вы, как растет властелин лесов — могучий дуб?

— Медленно,— ответят многие.

И ошибетесь. Дуб — быстрорастущее дерево.

Почему же стоящие рядом дуб и, допустим, береза, прожившие оба по десятку лет, не одинаковы по размеру? Береза выше дуба!

Дело в том, что продолжительность роста в течение года (вегетационный период) у них не одинакова. Береза растет 106 дней в году, лиственница сибирская, тополь — по 100 дней, а дуб — только три недели. В Московской области, например, дуб начинает расти в первых числах мая. За 21 день роста он дает молодой погон высотою в 10—15 сантиметров, закладывает верхушечные почки и прекращает дальнейший рост до... следующего мая. А тополь успевает подняться за лето на высоту до двух метров.

Может быть, можно заставить дуб расти в течение всего лета?

Лесоводы стали изучать биологию дуба. Оказалось, что дуб — большой любитель света. Припомнили народную поговорку: «Дуб любит расти в шубе, но с открытой головой». Он настолько «горд», что никогда не останется жить в тени. Если другие деревья закроют над его головой свет, он предпочтет погибнуть, чем прозябать в тени.

Специалисты учли эту особенность дуба. Отобрали сорок молодых дубков, одинаковых по высоте и общему развитию. До начала роста половину дубков закрыли с боков картонными цилиндрами вровень с верхушечной почкой. Одели их в «шубы», но оставили с открытой головой.

В начале мая все сорок дубков тронулись в рост. По мере роста каждого верхушечного побега на опытных растениях картонные цилиндры—«шубы»— наращивали, поднимали в высоту, оставляя дубки все время затененными с боков. Через три недели все сорок дубков закончили свой рост и остановились в состоянии покоя. Спустя примерно месяц на дубках в «шубах» снова набухли почки, и все они вторично тронулись в рост, в то время как обычные дубки остались неподвижными до следующего года. Ученые еще раз поднимали верхушки «шуб» на опытных растениях вровень с верхней почкой. Примерно через три недели рост остановился. Снова наступил покой.

В течение года дубки без «шуб» имели наибольший прирост 15,6 сантиметра, прирост опытных растений был в 3—4 раза больше.

Лабораторные опыты на лесной даче Сельскохозяйственной академии имени К. А. Тимирязева, проводившиеся под руководством профессора В. П. Тимофеева, закончены и перенесены в производственные условия — на лесные полосы Воронежской, Рязанской, Сталинградской, Саратовской, Астраханской областей. Здесь картонную «шубу» дубкам заменили специально подобранные, так называемые сопутствующие растения: вначале — кустарниковые, а потом — клен на юге, липа, ясень в лесостепной полосе.

В производственных условиях дуб в «шубе» стал расти еще быстрее. Отдельные дубки в Воронежской области росли по 8 сантиметров в сутки. Такой быстроты роста не знает ни одно дерево, исключая эвкалипт и бамбук. В Астраханской области, где лето длиннее подмосковного, дуб в искусственной «шубе» принимался расти в течение года 5 раз. На поливных землях отдельные деревца дали полтора метра прироста! Человек сумел заставить дуб прожить десятилетие за один год.

П. МАКРУШЕНКО

БЕЛЯК НА ЧЕРНОТРОПЕ

Кончилась золотая забайкальская осень. Многие обитатели тайги сменили летний наряд на защитный зимний.

Однако лишь на северных склонах гор лежит снег, на южных, где все еще ласково пригревает солнце, искрится изумрудная зелень.

По чернотропу особенно хорошо виден заяц-беляк. В это время он затаивается, подпуская охотника на близкое расстояние.

Мне удалось сфотографировать беляка на лежке.

Охотник Э. ПИЛЬМАН

Улан-Удэ.

Арабские пословицы и поговорки

Следуй за голосом собаки, а не шакала: первый ведет в деревню, второй — в пустыню.

Он сказал:

— Раб, я тебя купил.

— Это — твое дело,— сказал раб.

— Но не убежишь ли ты?

— Это — мое дело,— ответил он.

Когда собаки насытятся, они готовы дарить друг другу то, что осталось.

От глаз мало пользы, если ум слеп.

Колодец росой не наполнишь.

Ученый человек без занятия — все равно, что туча без дождя.

У верблюда свои планы, а у его погонщика свои.

Бежал от дождя — попал под ливень.

Если хочешь сохранить тайну от врагов, храни ее и от друзей.

Перевод П. ОХРИМЕНКО.

Из жизни слов

ИНТЕРВЬЮ

Слово это, означающее беседу журналиста с политическим, общественным, научным или каким-либо другим деятелем с целью опубликования его мнения по какому-нибудь вопросу, вошло в русский язык из английского (interview). **Интересно отметить, что англичанами оно было заимствовано из французского языка** (entrevue — **свидание, встреча). Вернувшись во Францию в английской форме, оно и там стало употребляться в значении: беседа журналиста с каким-либо деятелем, предназначенная для печати. У нас в таком значении слово это вошло в употребление в конце XIX века. Еще в 70-х годах оно не было известно, и один петербургский журналист называл тогда свои беседы «газетными справками». В повести П. П. Гнедича «За рампой», написанной в 1889 году, сотрудник газеты, пришедший к известному провинциальному актеру, только что поступившему на петербургскую сцену, задает ему ряд вопросов. Записав ответы актера, он спрашивает:**

— Вы не посетуете на меня за напечатание завтра интервьюа с вами?

— Интер... вьюа? — переспрашивает его актер, в первый раз слыша это слово.

— Ну, встречу с вами,— выводит его из затруднения сотрудник газеты.

Из приведенного разговора видно, что слово «интервью» в конце 80-х годов уже вошло в русский язык, но еще не было широко распространено, причем первоначально употреблялось в форме «интервьюа»,— неправильное произношение английского interview.

Н. АШУКИН

В этом номере на вкладках: репродукции картин югославских художников, картина А. И. Интезарова «Пресня. 1905 год» и пять страниц цветных фотографий.

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Основной закон. 8. Краткое изречение. 9. Место, где берет начало река. 10. Самоуправление. 13. Физические упражнения. 15. Наиболее деятельная часть организации. 16. Атомный котел. 17. Стебли хлебных злаков после обмолота. 18. Город в Литовской ССР. 20. Богатая хлебородная область. 25. Сигнальный фонарь. 26. Зернохранилище. 27. Правительственная награда. 29. Типографская машина. 30. Река, впадающая в Берингово море. 31. Отдел географии.

По вертикали:

1. Отечество. 2. Сооружение для спортивных состязаний. 3. Часть произведения. 4. Ответственное задание, поручение. 6. Вид городского транспорта. 7. Цельность, единство. 11. Картина или орнаментальная композиция из стекла. 12. Порт на Енисее. 14. Народный поэт-певец. 17. Безлистое среднеазиатское дерево. 19. Народный музыкальный инструмент. 21. Разновидность атома химического элемента. 22. Непаханая земля. 23. Товарищ по борьбе, деятельности. 24. Условленная встреча. 28. Близкий человек.

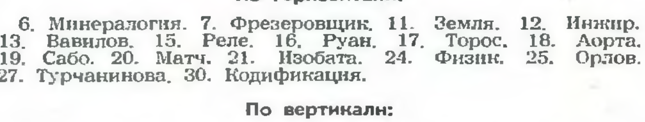
ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 48

По горизонтали:

6. Минералогия. 7. Фрезеровщик. 11. Земля. 12. Инжир. 13. Вавилов. 15. Реле. 16. Руан. 17. Торос. 18. Аорта. 19. Сабо. 20. Матч. 21. Изобата. 24. Физик. 25. Орлов. 27. Турчанинова. 30. Кодификация.

По вертикали:

1. Минор. 2. Березина. 3. Сахара. 4. Мотовило. 5. Тикси. 7. Фельетонист. 8. Контрамарка. 9. Делегация. 10. «Мизантроп». 13. Верди. 14. Варта. 22. Значение. 23. Тринидад. 26. Аноним. 28. Узбой. 29. Ватин.

«Лесозаготовки». Рисунки Ю. Черепанова.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, И. П. ГОРЕЛОВ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, Т. З. СЕМУШКИН, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61. Оформление В. Епанешникова.

А 05683. Подп. к печ. 29/XI 1955 г. Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 850 000. Изд. № 959. Заказ 3078. **Рукописи не возвращаются.**

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Анна Ризика — участница коллектива художественной самодеятельности Ницского сельсовета (Латвийская ССР).
Фото И. Тункеля.

На первой странице обложки: Старый большевик, участник революции 1905 года Прокофий Аполлонович Афоничев у школьников 354-й средней школы г. Москвы.

Фото Дм. Бальтерманца.

Цена номера 3 руб.

МИНИСТЕРСТВО ЛЕГКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СССР

